

ПОГРЕБЕННЫЕ

18+

Древние боги не канули в небытие тысячелетия назад.
Они живут среди нас. Они ищут тебя.

Оушен Паркер

Оушен Паркер
Погребенные
Серия «New Adult.
Молодежные бестселлеры»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70331320

Паркер, Оушен. Погребенные: 978-5-17-159967-6; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-159967-6

Аннотация

После страшной автокатастрофы Анику мучают ночные кошмары. Попытка понять их приводит ее в Лувр, где она знакомится с таинственным охотником за сокровищами Древнего Египта. Правда сокрыта в пугающих легендах, но там, где хранится ответ на главный вопрос, открываются врата Ада...

Содержание

I	15
II	31
III	47
IV	66
V	86
VI	105
VII	122
VIII	139
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Оушен Паркер

Погребенные

Copyright © Оушен Паркер, 2024

© Иллюстрация Дарья Сойко, 2024

© Иллюстрация, Вероника Сергуц, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Родителям, которые верят в мечты своих детей

Плейлист

La Seine – Vanessa Paradis, – M-

Dernière Danse – Indila

Dirty Mind – 3OH!3

Collard Greens – ScHoolboy Q, Kendrick Lamar

Watch Me Burn – Michele Morrone

PLEASE – Omido, Ex Habit

Who is She? – I Monster

Mon Démon – Odelly

Me and the Devil – Soap&Skin

Blood//Water – grandson

Unholy – Sam Smith

Fed Up – Ghostemane

I hate everything about you – Three Days Grace

Never let me go – Florence + The Machine

*И вползут они на животах своих в царство
тьмы*

На страдания обречённые.

И во рту останутся пеплом

Все могущественные империи,

И воздвигнется царство ночи,

О котором столь долго пели мы.

Обратятся в немые статуи

Все прекраснейшие короли.

Оставь надежду, всяк сюда входящий,

До скончаний времён земли¹.

Из опрокинутого на бок мусорного бака, вокруг которого в поисках пропитания кружили уличные коты, валил столп чёрного дыма вперемешку с вонью, более неприятной, чем запах гари. Редкие, непонятно как попавшие в Обервилье туристы спешно обходили всё это безобразие стороной и де-

¹ Цитата из фильма «Париж. Город мертвых» (прим. авт.).

монстративно зажимали носы.

Я неслась от станции метро в направлении дома, стараясь не вдыхать запах и не смотреть на развалины, в которых нам с мамой теперь приходилось выживать. Но если «не вдыхать запах» было несложно, то «не смотреть» привело к последствиям, которые, в свою очередь, чуть не довели меня до могилы.

Поскользнувшись на непонятно откуда взявшемся футбольном мяче, я с трудом удержалась на ногах. Для большей устойчивости пришлось нелепо раскинуть в разные стороны обе руки. Сжимая в пальцах пластмассовый стаканчик со стратегически важным запасом холодного кофе, я с грустью уставилась на то, как по белой блузке, в пять утра выглаженной старым, едва работающим утюгом, стало расползаться жёлтое пятно. Дрянь.

С противоположной стороны дороги кто-то закричал. Кто-то, кого я мысленно убила, расчленила и захоронила в разных концах Парижа.

– Ma tante! Не подбросите?

Покачиваясь на высоченных шпильках и проклиная всё вокруг, я подняла голову и идентифицировала будущую жертву как темнокожего мальчика двенадцати лет.

Туфли натёрли ступни и порвали новые колготки. Недорогой, но приличный костюмчик секретарши жал в талии, а когда я садилась, трещал по швам на заднице и в районе подмышек.

Про меня нельзя было однозначно сказать: злая и противная. Просто обычно я старалась игнорировать всех, кто пытался со мной заговорить в Обервилье, или делала вид, что случайно здесь оказалась и на самом деле по-прежнему живу где-то в центре.

Но сегодня что-то пошло не так. Страдая от полного разочарования в собственной жизни, я пнула мяч треугольным носиком туфли, и он выкатился на проезжую часть. Мне не доставляло удовольствия травмировать детскую психику, но когда проезжающий мимо мусоровоз расплющил игрушку по асфальту, почему-то захотелось победно хмыкнуть.

– Эй! Вы чего?

Я поторопилась достать ключи из сумочки, но прежде чем запрыгнула в подъезд, не удержалась и показала мальчишке язык. Он опешил, выпучив и без того слишком большие глаза.

– Никакая я тебе не *ma tante*! Мне всего двадцать пять! – прикрикнула я напоследок и громко хлопнула дверью в подъезд. С гордым выражением лица вытерпела осыпавшуюся на чёрные кудри побелку и по крутой лестнице рванула вверх, на второй этаж.

– Аника?

Я стряхнула туфли и пяткой отфутболила их в угол.

– Дома.

– Как собеседование? – громко поинтересовалась мама, гремя тарелками на кухне.

Квартира насквозь пропахла сторовшей картошкой и мар-
гаринои, в котором эту самую картошку мама пытала по-
следние несколько часов. Сколькo я себя помнила, она ни-
когда не готовила и не убиралась, а я сама до прошлой неде-
ли не знала, как пахнет картошка в маргарине. Одно собы-
тие запустило целую череду открытий. Например, выясни-
лось, что на собеседовании в дешёвое туристическое агент-
ство с тремя направлениями могут отказать.

Всё изменилось. Теперь я жила в пригороде Парижа,
неприглядном местечке, невыгодно близко расположенном
к одному из самых злочных районов – Сен Дени. Ничуть
этого не стыжусь, но до недавних пор я даже не подозрева-
ла о том, что за пределами центра есть места подобные это-
му: грязные улицы с разбитыми тротуарами, бесконтроль-
ный наркотрафик и уровень преступности, вынуждающий
носить в сумке перцовый баллончик и молиться, возвраща-
ясь домой после заката.

Окна моей новой маленькой спальни выходили на сосед-
ний дом, а бутик с чистой примерочной в последний раз
я посещала месяцев шесть тому назад. Несчастлиная сумка из
старой коллекции Диор, перекинута через плечо, служи-
ла грустным напоминанием о бывлой роскоши. Смотрелось
убого, когда я спускалась в метро, теряясь в толпе простых
смертных, но с этим маленьким капризом расстаться было
труднее всего.

Мама стояла на кухне в плену у грязной посуды. Посудо-

моечной машины, не говоря уже о горничной, у нас не имелось.

– Сказали, что перезвонят, – хмыкнула я, скручивая тёмные волосы в пучок на голове.

От парижского флёра матери мне достался лишь тонкий нос с лёгкой горбинкой. Всем остальным, вплоть до жёстких чёрных волос на ногах, я была обязана восточным корням покойного отца. Эх, знали бы эти корни, во сколько мне обошёлся полный курс лазерной эпиляции...

– Конечно перезвонят, *minou*². Ты ведь свободно владеешь пятью языками, – улыбнулась мама, которая вряд ли знала настоящий перевод фразы, произнесённой с натянутой улыбкой в конце рабочего дня после прослушивания тридцати кандидатов. «Мы вам перезвоним» – обычно означало «Вали отсюда, да поскорее».

– А ещё окончила Сорбонну, но это не помешало всем остальным отказать мне.

Плюхнувшись на скрипучий деревянный стул, я несколько раз дёрнула себя за края рубашки на груди дабы устроить вспотевшей, пережатой лифчиком груди мини-проветривание.

Париж плавился от аномальной жары, опередившей обычный график и сошедшей на город ещё в начале мая. Единственный в квартире вентилятор гудел так, что закладывало уши, и не сказать, чтобы исправно, но раздувал волосы хло-

---

² *Minou* (фр.) – котёнок.

потавшей у плиты Агаты Ришар. До меня блаженная прохлада просто не дотягивалась.

– Нет опыта работы? Ну что за чушь!

Неуклюже взявшись за нож, мама принялась кривыми кусками нарезать порей. Когда она облизала пальцы, испачканные рыбными ошмётками, меня передёрнуло. Её нездоровая любовь к сырой рыбе пугала, но, к счастью, не передалась мне по наследству вместе с уродливым родимым пятном на копчике.

Уставившись на свои обгрызенные ногти, я ковырнула заусенцы. Руки выглядели неопрятно и отлично описывали состояние, в котором я находилась последние месяцы. Но так было всё же лучше, чем на маникюре у азиаток в китайском квартале. В прошлый раз мне чуть не отрезали мизинец, а вонь из того переулочка до сих пор преследовала меня в кошмарах.

– А у тебя как дела? Звонила в контору, которую я тебе подыскала?

– Не звонила, – фыркнула мама, пытаясь открутить крышку от литровой заправки с морской солью. Обладательница слабых рук, созданных лишь для того, чтобы с гордостью носить на тонких пальцах бриллианты, от перенапряжения покрылась красными пятнами. Я бы ей помогла, если бы сама лишь в прошлом месяце не научилась пользоваться кухонным ножом и без стонов тащить на второй этаж пакеты с едой.

– И хватит пытаться найти мне работу в качестве прислуги.

– Учительница младших классов – не прислуга.

– Поверь, *minou*, женщина, пытающаяся чему-то обучить семилетних детей – самая настоящая прислуга.

– Ты это поняла до того, как получила диплом, или после?

– После. – Хитро улыбнувшись, она сдула со лба пшеничный локон. К слову, он сливался с атомно-жёлтым фасадом кухни в стиле, который в начале двухтысячных именовали модерном или, как я любила это называть, «хочется выколоть себе глаза». – После того, как познакомилась с твоим отцом.

– Тогда тебе придётся продать что-то из своих вещей. Ты всё равно неделями не выходишь из квартиры.

Семейный бюджет... заметно просел, и единственным доходом оставались деньги от сдачи маленького домика в Тулузе. Всё остальное имущество семейства Ришар было продано для уплаты долгов.

Маму это сильно подкосило. Она только начала есть и разговаривать, когда через месяц после смерти отца на порог двухэтажной квартиры в самом центре Парижа нагрянули приставы. Переезд на улицу занял всего ничего: за какие-то пять дней из богатой наследницы я превратилась в бомжа.

– Не дождёшься, *minou*. Агата Ришар не будет продавать свои вещи.

– Ришар, Ришар. – Закатив глаза, я подпёрла рукой под-

бородок и с грустью уставилась на серость за деревянным окном. Там всегда было серо, даже когда на улице на самом деле ярко светило солнце. Старая пятиэтажная постройка смыкалась расписанной граффити аркой. Окна всех комнат в квартире, за исключением маминой спальни, выходили во внутренний дворик, куда не доставали ни солнечные лучи, ни надежды на светлое будущее. – Ты так гордо произносишь нашу фамилию, словно она до сих пор что-то значит.

Мама смешно подбоченилась, демонстрируя длинную шею в обрамлении золотистых локонов. Чистокровная Франция – так она себя называла. И так выглядела даже несмотря на то, что родилась не в самой благополучной семье, о которой не особо любила говорить.

Галиб Ришар, мой отец, с первого взгляда влюбился в молоденькую и хорошенькую учительницу младших классов, когда велосипед взбалмошной девицы на полной скорости врезался в его новую дорогую машину. Уже потом она треснула его сумкой по голове и разоралась так, что в ДТП оказался виноват он и в качестве извинения был вынужден пригласить её на ужин.

В этом была вся Агата. Даже в обносках она выглядела и вела себя так, словно в наследство ей досталась как минимум вся Британская империя, а не облезлый кот и однушка где-то ещё дальше, чем в Обервилье. Кот сдох, а однушка при загадочных обстоятельствах сгорела за пару лет до моего рождения.

И да, не нависай над нами кругленькая сумма за долги всё того же Галиба Ришара, я бы с лёгкостью ей поверила. Поверила в то, что Ришар – это бренд, а не отголосок прошлого.

– Наша фамилия – всё, что у нас осталась, Аника.

Это было в равной степени правдой и ложью, но я больше не хотела полагаться на что-то столь ненадёжное и эфемерное.

– Попробую написать Жерару и спросить, не нужна ли ему официантка в кафе, – сказала я, когда мы сели ужинать. В углу небольшой гостиной скрипела старая пластинка. Одинокая лампочка на оголённом проводе невыгодно подсвечивала подгоревшие с обеих сторон булочки.

Перестав жевать, мама замерла с позолоченной вилкой в сжатом кулаке.

– Только через мой труп, Аника.

– Так оно и будет, – хмыкнула я, с опаской понюхав сыр. Решив, что он не такой испорченный, каким кажется, сунула один кусочек себе в рот. – Когда мы обе умрём от голода.

– Я скорее умру от стыда, когда кто-нибудь увидит, как моя дочь моет, прости господи, – она собралась перекреститься, но сдержалась, – полы в какой-то дешёвой забегаловке.

– Кто увидит?

– Патрик, например!

– Мам. – Я со вздохом подцепила оливку в гранёной посудине. На щербатом подносе стояла грубая белая кружка

с дешёвым вином, и я залпом её осушила, чтобы унять раздражение и досаду на непонятливую мать. – Патрик никогда в жизни не бывал в этом округе. А если подобное взбредёт ему в голову, между нами всё давно кончено. Он мне изменил, забыла?

– Но...

– Нет, хватит. Я больше не желаю говорить об этом, – резче, чем хотелось, ответила я, вздрогнув от моментально сдавившей виски пульсации. В одно короткое мгновение мышцы в руках и ногах непроизвольно напряглись, словно тело готовилось защищаться или... нападать.

– Снова? – обеспокоенно прошептала мама, когда я то-ропливо достала из сумки помятую пачку сигарет и закурила.

– Всё в порядке, – пробормотала я, сквозь вату в ушах с трудом расслышав собственный голос.

– Аника, ты ведь сказала бы мне, если бы видения снова начали посещать тебя?

– Конечно, – соврала я, ощущая, как стали неметь руки, а настоящее постепенно расплзаться перед глазами чёрным пятном. Прежде, чем свалиться под стол, я кое-как встала и, опираясь о стену, мелкими шажками добралась до своей комнаты.

А потом всё повторилось. Один и тот же сон. Один и тот же кошмар.

I

Я неуютно поёрзала на месте, вцепившись ногтями в мягкую кожу на дорогой сумочке. Несколько пружин в красном кресле с дешёвой, прохудившейся обивкой выскочили из основной конструкции и впились в поясницу, заставляя желать лишь одного: как можно скорее сбежать из этого места.

И я бы сбежала, если бы в эту самую минуту мама не подпирала дверь в кабинет психолога с обратной стороны.

– Аника. – Доктор прокашлялся, бездумно и как-то безучастно водя ручкой по листу бумаги на коленях. – Давайте с самого начала.

– Я уже всё рассказала.

Мужчина рассеянно покачал головой и тяжело зевнул. В его действиях и мимике не было и намёка на заинтересованность в нашем разговоре. Пытаясь скоротать сорок пять минут оплаченного сеанса, доктор Робинс по несколько раз задавал одни и те же вопросы, а я со скрипом, сквозь зубы, на них отвечала, тоже не испытывая какого-либо интереса.

– Понятно. – Мужчина нахмурил косматые брови и заглянул в заляпанный кофе планшет со справками, любезно переданными ему моей дорогой маман. Обслюнявив палец, доктор принялся зачитывать: – В вашей медицинской карте сказано, что вчера вечером вы впали в транс.

– Это мама её заполняла.

– Ага. – Он опустил палец на графу ниже. – Это не впервые?

– Там же написано, – ответила я, шумно отхлебнув горький кофе из кружки, которую, казалось, не мыли со времён окончания первой французской революции.

Доктор перелистал ещё несколько страниц и достал памятное заключение последнего психиатра из дорожной клиники в Лондоне. Если бы врачи, которые только и делали, что обвешивали меня множественными заключениями и кормили мутными формулировками, возвращали деньги, я бы смогла прожить на них ещё лет пять. Исключив походы в модные бутики – все десять.

– В последний раз вы наблюдались семь месяцев назад с диагнозом «расстройство сна, ночные кошмары».

– Вообще-то мне собирались поставить трансное расстройство³, но родители заплатили за то, чтобы в мою медицинскую карту вписали расстройство сна. Не хотелось бы иметь проблемы при трудоустройстве.

Рука доктора Робинса замерла. Несколько долгих секунд он раздумывал над тем, стоит ли записывать в карту пациента чистосердечное признание о купленном диагнозе, но всё же отложил ручку и впервые за двадцать минут общения за-

---

³ Диссоциативное расстройство, характеризующееся состоянием транса, при котором имеется временная потеря чувства личностной идентичности, а также значительное сужение осознания окружающего. В данном состоянии внимание избирательно, а речь, движения и позы имеют ограниченный репертуар и воспринимаются неконтролируемыми сознанием.

держал на мне взгляд дольше, чем на три коротких выдоха.

– Трансовое расстройство – серьёзный диагноз, вне компетенции простого психолога.

– Знаю, – невесело улыбнулась я.

– И вы пришли ко мне... с какой целью?

– Я не преследую никаких целей, доктор, а моя дорогая маман не особо понимает разницу между психиатром и психологом. Я здесь лишь потому, что вы оказались самым бюджетным специалистом, а мне нужно создать видимость решения проблемы, чтобы она от меня отцепилась.

Доктор достал вложенный в планшет свёрток бумаги, аккуратно его развернул и, поправив очки, передал мне изображением вверх. Без особого энтузиазма я посмотрела на кривые каракули и отложила листок на журнальный столик.

– Вы нарисовали себя на вершине горы из сердец, Аника. Боюсь, что одной видимости решения проблемы тут будет недостаточно.

– Поверьте, доктор, за семь лет пустых попыток, я смирилась с тем, что мне остаётся только создавать видимость и притворяться нормальной.

В первое время после аварии я могла провалиться в видение средь бела дня. Я не причиняла никому вреда, но бормотала под нос всякие странности, иногда рисовала, если под руку попадались бумага и ручка.

Мне неизменно снились одинаково ужасающие сны. Я перестала бояться смерти лишь потому, что собственными гла-

зами видела ад. Каждую грёбаную ночь я лежала в своей мягкой постели и, словно расплачиваясь за грехи всего человечества разом, попадала в место, описать которое ещё ни разу не решилась вслух.

Там не было ничего: ни жизни, ни смерти. С куда большей радостью я бы приняла бурлящий чугунный котёл над костром, разведённым специально для меня. Но даже смерть боялась той пустоты.

Многим позже в кромешном мраке и безмолвии я стала видеть силуэт, но до сих пор так и не поняла, кому он принадлежал: высокому мужчине с головой зверя, или зверю с длинным мужским телом. Крайне сложно определить, когда глаза застилает пелена, и ты онемела от ужаса.

Сон всегда оканчивался одной и той же фразой, которую произносила либо я, либо тот, кто являлся ко мне в том мире: «Danny akhabî yabî».

В последний год кошмары стали сниться реже, тускнеть. Иногда мне ничего не снилось целыми неделями, и на несколько месяцев я забывала о том, что была... не совсем здорова. Пока не умер отец.

Ни врачам, ни таблеткам не удалось помочь справиться с этой проблемой. Спустя столько лет я просто смирилась и приняла то, с чем мне суждено жить до конца своих дней.

Я снова посмотрела на доктора. На вид ему было лет пятьдесят, не больше, хотя, может, и меньше. Monsieur Робинс выглядел очень притягательно. Под грязным жёлтым хала-

том пряталась стройная, высокая фигура, а толстые линзы немного покосившихся влево очков скрывали пронзительные серые глаза.

– Ваша мама написала, что вы бормотали...

– Danny akhabî yabî, – повторила я. – Знаете, что это такое?

– Боюсь, что нет, – поджал губы доктор и в который раз за сегодня отложил планшет.

Несколько минут мы молча изучали друг друга и неспешно цедили невкусный, уже остывший чёрный кофе. За спиной Робинса громко тикали огромные настенные часы, но мне показалось, что он перестал считать каждый удар минутной стрелки и действительно о чём-то задумался, характерным образом потирая подбородок.

– Вы пробовали перевести значение этой... эм, фразы?

– Как же я сразу об этом не подумала, – перекинув ногу на ногу, усмехнулась я. – Конечно, пробовала. Моему отцу не нравилось, что у его единственной дочери поехала крыша.

– Результатов, полагаю, это не дало?

– Верно полагаете.

– Что ж, тогда я правда не знаю, как могу вам помочь, разве что... – мужчина сунул руку в карман и достал небольшой клочок бумаги. Обслюнявив ручку, он что-то быстро написал и положил записку на журнальный столик, придвинув её в мою сторону кончиком указательного пальца.

– «Ш» значит шизофреничка? – поинтересовалась я,

взглянув на кривой, плохо различимый почерк.

– Экстракт шиповника. Успокаивает нервы перед сном.

– Чудесно. Экстракт шиповника – именно то, в чем я нуждалась.

– И номер моего сына на обратной стороне. Он работает с древними языками в Лувре. Вдруг язык, на котором вы говорите, мёртвый.

Я подумала, что мёртвым будет доктор, когда я выйду из кабинета и сообщу матери о том, что мы заплатили чуть ли не последнюю сотню евро за предложение попить шиповниковый отвар.

– Вы и в самом деле считаете, что я не обращалась в Лувр? Не достала каждого, кто в нём работает, чтобы узнать, что за бред несу каждую ночь?

Доктор промолчал и перевёл взгляд на наручные часы, показывающие, что время нашей консультации подошло к концу.

Когда я покинула кабинет, хлопнув дверью в знак протеста, мама нервно вздрогнула у кулера с водой. Впервые за последний месяц она вышла из дома не в солнечных очках и худи с натянутым до подбородка капюшоном. Бедность давалась ей тяжелее, чем мне, поэтому поездка, хоть и в дешёвую клинику в девятнадцатом округе Парижа, воспринялась как достойный повод выгулять дорогой комбинезон и старую, но ни разу не ношенную шляпку.

– Ну что? Что сказал monsieur Робинс? – ковыляя на вы-

соченных каблуках, словно хромая кобыла, спросила мама. – Полы мокрые! Подвернула ногу.

– Сказал, что я умру через семь дней.

Ахнув, она струёй воды из носа намочила мою белую рубашку.

– Шучу я, расслабься. – Похлопала её по спине. – Пропи-сал мне пить шиповник перед сном и выдал номер своего сына.

– Ты ему позвонишь? – тут же вскинулась мама.

Я снова закатила глаза, но не успела придумать достойную колкость, когда молодая девушка за покосившейся стойкой администрации отвлекла меня, активно размахивая чистым бланком для сбора статистики об эффективности методов лечения их врачей.

Аника Ришар. Раньше мои инициалы красовались в списке важных гостей на парижской неделе моды, теперь – на бланке в клинике для психичек. Замечательно.

Я поставила подпись, соглашаясь с тем, что мистер Робинс, сомнительный американский психолог, излечил меня от всех недугов за сорок минут нашего общения. Когда я развернулась, чтобы сообщить матери о том, что сюда мы больше не вернёмся, она странно заозиралась, прижимая вдруг резко разбухшую сумку к груди.

– Что ты...

Она воровато улыбнулась и приоткрыла сумку, демонстрируя рулоны туалетной бумаги. У меня отвисла челюсть.

– Я не собираюсь вытирать свой зад старыми газетами! – зашипела она и, как ни в чём не бывало, от бедра рванула прочь, пока грузная уборщица, которая с вёдрами и швабрами маршировала в сторону туалета, не заметила пропажу муниципального имущества.

Даже такая заядлая пессимистка, как я, всё же нашла что-то хорошее в новом социальном статусе и полном отсутствии денег. Раньше у меня не находилось времени и желания просто погулять по Парижу или остановиться с кофе посреди цветущего парка. За всю жизнь я посещала Тюильри, возможно один из самых красивых парков мира, всего пару раз, и теперь, наконец усевшись на зеленый железный стул после изматывающей поездки на метро, с радостью выдохнула.

Вдоль ровных рядов активно зеленеющих после аномально холодной зимы деревьев гулял, как и обещал вчерашний прогноз погоды, приятный бодрящий ветерок. Мама жевала круассан, ногой охраняя сумку с туалетной бумагой, а я пила чёрный кофе из бумажного стаканчика, наблюдая за тем, как толпы счастливых туристов фотографируют свои довольные физиономии рядом с фонтаном, больше напоминающим писсуар.

Я размышляла о себе и своей жизни, о том, как резко всё

изменилось. Думала о бывшем, Патрике, и о матери, которая нервно тряслась каждый раз, когда охрана парка проходила мимо.

– До чего докатились. Ворую туалетную бумагу!

– Ты драматизируешь. У нас есть деньги на бумагу.

Она скептически нахмурилась. И, да, моя мать любила драматизировать. Агата Ришар впадала только в крайности и из стадии «мне абсолютно наплевать» переключалась исключительно в режим «господи, мы все умрём».

– Дом в Тулузе придётся продать. Никто не хочет его снимать без хорошего косметического ремонта, а на него денег нет, – как бы оправдывая этим свой поступок, сообщила мама.

– С продажи получим хорошие деньги, которых хватит на некоторое время.

– Это если удастся его продать, – отмахиваясь от голубя, который стал клевать слишком близко к носкам её туфель, пробормотала она. – А пока мы не можем получить деньги ни с аренды, ни с продажи, Аника. Через месяц скажешь спасибо за эти рулончики.

– Продай свои украшения, – снова предложила я. – На туалетной бумаге много не заработаешь.

– Много ты знаешь о туалетной бумаге. Что я скажу своим подругам, когда они увидят меня, прости господи, без этого? – Она вытянула руку с золотыми часами и многочисленными браслетами. Сорóка. Одного её запястья хватило бы на

то, чтобы закрыть долг перед адвокатом, но, конечно, мнение бывших друзей, уже давно забывших наши имена, по-прежнему определяло главные ценности в жизни Агаты Ришар.

– Думаешь, весь мир ещё не в курсе, что мы банкроты?

Мама, страдающая любовью к отрицанию очевидных фактов, закатила глаза и цокнула языком, надеясь сменить тему разговора.

– Фамилия Ришар уже давно материальный банкрот, а мы с тобой, – я достала из сумки пачку сигарет, – два финансовых и бытовых инвалида. Если собираешься нажиться на туалетной бумаге, я пойду работать к Жерару.

– Только через мой труп моя дочь будет мыть посуду и прибираться за кем-то! – зашипела она.

– Не бойся. Учитывая отсутствие денег и еды, тебе недолго осталось. Подожду, пока ты умрёшь, и начну жизнь заново. – Я подмигнула, выпуская кольцо дыма.

Пока она распинаясь, какой бизнес мы забабахаем на продаже туалетной бумаги, я написала короткое сообщение старому знакомому, с которым мы вместе учились на лингвистическом факультете. После учёбы я взяла перерыв в два года и отправилась путешествовать по Европе, а он – кредит в банке на открытие своей кофейни.

Мы доели наш завтрак. Когда я всё же настояла на том, что пойду к Жерару, мама долго не могла уговориться. В конечном итоге, спрятав руку в карман, чтобы я не могла снять

с неё дорогие часы, она согласилась. Несколько минут протяжно выла у входа в метро, обнимая сумку с нажитым добром, но потом всё же спустилась, напоследок бросив:

– Ненавижу твоего папашу!

Я тоже его ненавидела, вспоминая утро, когда отца нашли мёртвым в рабочем кабинете. Долги за проигрыши стало невозможно скрывать, и он выбрал самый легкий из способов разрешения всех проблем: выстрелил себе в висок. Оставил нас с мамой, двух неприспособленных к самостоятельному выживанию женщин, в жестоком и, как оказалось, жутко дорогом мире.

Всё, чего я тогда желала – отказаться от фамилии Ришар и начать заново, но не могла бросить маму. Та, даже ценой жизни, не готова была расстаться с былой славой нашей семьи. Мы продали дома и машины, чтобы расплатиться с акционерами отцовской фирмы. Вскоре в расход пошли мои украшения и некоторые из фамильных драгоценностей, которыми мы покрывали плату за аренду нового жилья.

Такое положение вещей и новый социальный статус оказались неприемлемыми для моих друзей. И это я пережила даже болезненнее, чем потерю всего состояния. Предательство всегда оставалось проверенным, очень сильным источником боли, но хуже всего мне далось осознание собственной не ценности, а стоимости в их глазах.

Мама, несколько сумок и мрачные кошмары – всё, что осталось от прежней Аники Ришар.

Докуривая сигарету, я наблюдала за тем, как над городом сгущаются тучи. Заходить в кафе жутко не хотелось, но когда хлынул дождь, несвойственный этому времени года в Париже, хлюпая мокрыми сандалиями, мне всё же пришлось толкнуть стеклянную дверь.

Пахло на удивление приятно: сдобой и свежесваренным кофе. Простой, немного старомодный интерьер маленького помещения, в который со скрипом помещались бар и три круглых столика, компенсировало обилие зелени и огромное зеркало, расширяющее пространство.

Впрочем, буквально ещё полгода тому назад я вряд ли зашла бы в такое место. У аристократов в моде был минимализм или агрессивный лофт. На крайний случай мы предпочитали цыганский шик эпохи Людовика. Аляповатые розовые пятна и солнышки по эскизам моих рисунков в семь лет не вызывали положительный эмоций.

– Привет, Аника!

Из-за прилавка с выпечкой показалась чернявая голова с широкими бровями и густой бородой. Будучи примерно моего возраста, Жерар всегда выглядел младше из-за художавого телосложения и прыщей. Теперь же напротив стоял мужчина, который казался старше меня лет на десять. Мучное в секундной доступности явно пошло ему на пользу.

– Жерар, – вяло помахав рукой, улыбнулась я.

Парень торопливо вышел из-за прилавка. Он заметно нервничал, вытирая руки засаленным полотенцем. Меня на-

чало тошнить, но, стойко выдержав муки собеседования, я пожала протянутую руку.

– Не ожидал твоего сообщения.

– Я тоже.

– Что-то случилось?

Я всю дорогу прикидывала, как признаться в том, что вступила в ряды неудачников, но так и не подобрала подходящих слов.

На лице и шее стал стремительно скапливаться пот, и я, оттягивая неизбежность, потянулась за салфеткой из стакана на барной стойке, разделявшей меня и Жерара. Парень внимательно за мной наблюдал.

После окончания университета мы так ни разу и не увиделись. Плотный график дочери евро-миллионера не подразумевал встречи со студенческими друзьями в дешёвых забегаловках. А сейчас плотный график, как и количество евро на счетах, заметно поредел.

– В социальных сетях ты писал, что тебе нужна помощница, – выпалила я, сжав кулаки так, что ногти больно впились в ладони.

– Да, – всё ещё не понимая, к чему я клоню, улыбнулся Жерар. – Ты...

– Я бы хотела тут работать, – сквозь зубы процедила я, едва не рухнув в обморок от осознания, что последний рубеж преодолен. После попытки устроиться на работу официанткой пути назад уже не было.

– Аника Ришар хочет работать в моей кофейне! Я сплю? – Он тепло улыбнулся, не выразив замешательства по поводу моего прежнего финансового статуса, за что я была премного ему благодарна.

– Знаешь, иногда хочется испытать себя в экстремальных условиях.

– Здесь не очень-то и экстремально, – смутился Жерар, поглаживая столешницу, о которую опирался рукой. – Людям нравится сюда приходить. Я варю неплохой кофе, но не справляюсь с... – он замялся, опустив взгляд.

Я выгнула бровь.

– С уборкой, вообще-то мне нужна уборщица.

У меня и моего бакалавра в Сорбонне случился сердечный приступ.

– Ты писал на своей страничке, что тебе нужна официантка.

– Официантка, уборщица, в общем, девочка на побегушках. – Жерар виновато улыбнулся.

На негнущихся ногах я плюхнулась за розовый стол и уткнулась лицом в ладони. Мне отказали в агентстве, в бюро переводов. Кто же знал, что без магистратуры и опыта в Париже так сложно найти достойную работу?

Я ненавидела своего отца, ненавидела свою жизнь и иногда даже маму. Угроза отрезать ей руку, сдать золото в ломбард, а её саму в дом престарелых, чтобы перестала переводить продукты, была не лишена оснований. Мама категори-

чески отказывалась приспособливаться к новой жизни. Она вгрызлась в воспоминания о прошлом и не желала его отпустить. Порой я думала о том, что без неё жилось бы гораздо проще.

Мне стало дурно. Я часто засипела и, словно выброшенная на сушу рыба, открыла рот. Всё начиналось как обычно, и со стороны выглядело как паралич или потеря сознания. Жерар, обескураженный тем, что я задыхаюсь, тут же подлетел ко мне и растерянно закудахтал:

– Аника, ты в порядке? Принести тебе воды?

– Нет, всё хорошо, не бойся. Со мной такое бывает. Ничего не делай. Я могу отключиться, – поспешно, с кривой усмешкой, заверила я.

– Вызвать тебе скорую?

– Нет, Жерар, просто...

А потом я перестала дышать, захлебнувшись кислым запахом гнилых тел. Я всё ещё находилась в сознании, сидела с широко раскрытыми глазами, но вместо чёрной комнаты из сна видела новую, резко изменившуюся реальность. Всё происходило как наяву, но только явь оказалась совсем не такой, какой мне бы хотелось её видеть.

Кофейня была в крови, словно пасмурное парижское небо извергало совсем не дождь. Красная густота стекала по внешним окнам, но через щели просачивалась внутрь, быстро покрывая пол. В груди Жерара зияла дыра, его тело тяжёлым грузом привалилось к стулу, а затем шлёпнулось на

пол мне под ноги. Я услышала хруст костей, но этот звук не испугал меня. Он воспринимался знакомым, естественным продолжением разворачивающихся событий.

Что-то обожгло подбородок, когда я взгляделась в ещё подрагивающее в предсмертной агонии тело Жерара. Я потянулась к своим губам, а когда отняла пальцы, увидела на них кровь. Она была везде. Я глотала её, выдыхая в такт трепетному биению сердца в сжатом кулаке. Кровь сочилась, струилась по запястьям, затекая в рукава рубашки.

Прежде чем в голове зазвучала уже привычная фраза, я заглянула в зеркало на всю стену. Женищина, которая улыбалась в отражении, не напугала меня. Не могла напугать, ведь в её иссиня-чёрных глазах я видела себя. Узнавала себя. Это и была я. Настоящая я.

II

Когда утром следующего дня в одной растянутой футболке и с полным бардаком на голове я зашла в клинику, у меня тряслись руки. Я спрятала их в карманы джинсов и вжалась в стену у входа в кабинет доктора Робинса, подсознательно желая с ней слиться.

Милые семейные пары с проблемами в постели, буйные подростки с кризисом переходного возраста – вот, кто посещал эту богом забытую психологическую клинику. Я же, вспоминая свой вчерашний припадок, сильно сомневалась, что здесь мне могли помочь, но остро нуждалась в простом разговоре, хоть каком-то намёке на то, что не всё ещё потеряно.

С Жераром, конечно, ничего не случилось. Когда я открыла глаза, хватая руками воздух в идиотской попытке зацепиться за реальность, он сидел на полу рядом и беспокойно дёргал свои волосы.

Никогда прежде видения не вмешивались в реальность. Засыпая, я была готова к тому, что будет, а просыпаясь, не испытывала сомнений насчёт того, что увиденное по-прежнему оставалось просто сном.

Ситуация с Жераром выходила за допустимые рамки. Я не осознавала, что всё вокруг – очередная иллюзия. Прожила тот эпизод как частичку реальности и, даже очнувшись, про-

должала ощущать металлический запах и привкус крови.

Когда сгорбленная фигура доктора замаячила на горизонте, от нервов я уже выхлебала всю воду из кулера.

– Прошу прощения? – Психолог посмотрел на меня поверх очков и нахмурился так, словно видел впервые.

Я вытерла потные ладони о джинсы и проямлила:

– Аника Ришар. Я вчера приходила к вам на приём.

– А, точно. – Он принялся открывать дверь в кабинет, кажется, не сильно заинтересовавшись целью моего визита. – Шиповник не помог?

– Не очень.

– Что ж, тогда запишитесь на завтра. Сегодня у меня полная загруженность.

– Я не могу ждать до завтра. У меня крыша едет... – Я приставила палец к виску и наглядно его прокрутила.

– Тут у всех едет крыша, у меня уж точно, – хмыкнул Робинс каким-то своим мыслям.

– Просто поверьте, что у меня...

Девушка-администратор замедлила шаг, с немым вопросом на круглом краснощёком лице уставившись на доктора. Они обменялись взглядами, и она двинулась дальше. Я засмотрелась на то, как гипнотизирующе при походке покачивались её бёдра, когда доктор Робинс щёлкнул шариковой ручкой прямо у моего уха и повторил:

– Аника, вам пора.

– Пожалуйста, – пробормотала я, обратив на него полный

ужаса взор. – Мне нужна помощь. Я смогу заплатить вдвое больше.

– Аника, – доктор закатил глаза. Вчера он показался мне куда более приятным человеком. – Ришар?

– Ришар, – бодро, с надеждой на лучшее, подтвердила я.

– Банк отменил предыдущую оплату, потому что ваши счета заморожены.

У меня дёрнулась скула, и я стиснула зубы, сдерживая желание разрыдаться от досады, но доктор уже одной ногой переступил порог в кабинет.

Собираясь захлопнуть дверь с обратной стороны, Робинс приподнял голову, чтобы проводить меня глазами. Я посмотрела в ответ, рукавом кофты вытирая бегущие по щекам слёзы.

– Я... я думала, что убила человека.

Меня передёрнуло, словно до тех пор, пока я не озвучила своё вчерашнее видение, оно было маленьким безобидным котёнком, а повиснув напряжением в коридоре клиники, превратилось в дикую невоспитанную чихуахуа. Или бульдозер, без тормозов мчащийся на меня по пустой дороге.

Несколько минут доктор Робинс молча пялился в планшет с бумагами, которые прижимал к груди. Негромко выругавшись себе под нос, достал из кармана халата телефон. Попросив подвинуть следующего пациента, окинул взглядом коридор и, убедившись, что на нас никто не смотрит, поторопил меня зайти внутрь.

– Это доставит кучу неудобств. Следующий пациент – проблемный парень, которому от прошлого передоза до сих пор мерещится его покойная тётка.

Губы расплылись в улыбке сами собой. Я не хотела улыбаться, но за последнее время слишком привыкла делать вид, что все хорошо. Привыкла настолько, что почти смогла убедить саму себя в том, что не испытываю боль.

Только вот я её испытывала. Всегда. Когда я просыпалась и смотрела в окно, мне было больно. Когда я думала о будущем, мне становилось страшно. Я могла раствориться в этой боли. Могла позволить ей контролировать себя, но вместо этого выбрала улыбку. Так я справлялась со всем этим, и так планировала продолжать бороться.

– Вы ведь психолог. Почему вы принимаете психов? – Хотела добавить «вроде меня», но решила оставить такое громкое оценочное суждение доктору. Устроившись в неудобном красном кресле, я посмотрела в окно, из которого открывался вид на стройку, и вспомнила потрясающий вид на Сену. По крайней мере когда-то он казался таким, пока высшее общество не вытурило меня на улицу, а в голове не начался «праздник» с фанфарами и кошмарами, которые обрели материальный облик в реальном мире.

– Не все психи хотят считать, что они психи. Домашним проще рассказать о том, что идёшь к психологу, а не к психиатру. На ваше счастье, я побывал в обеих шкурах и знаю, как отличить психа от реального психа.

– В обеих шкафах? – Я проследила за тем, как он закрыл кабинет, методично разложил бумаги и поставил чайник.

– Я закончил факультет психиатрии, стажировался в лечебнице для душевнобольных, но в конечном итоге выбрал психологию. Здесь, эм, – он задумался, насыпая чёрный кофе в две белые кружки, – безопаснее. Лишь изредка попадаются такие, как вы. Не обижайтесь.

– Не обижаюсь. – Я пожала плечами. – И платят больше? Он улыбнулся, поставив на журнальный столик поднос с кофе и вазу с шоколадными вафлями. Я уверенно схватила две, с утра будучи слишком занятой убеждением себя самой в том, что не являюсь психопаткой. Пока собирала крошки с джинсов, краем глаза заметила, как Робинс достал из стола отдельный планшет и записывающее устройство.

– Спасибо, что согласились принять меня, доктор.

– Не в моих правилах оставлять людей в таких сложных ситуациях. – Робинс продул запылившееся устройство и поставил его между нами, а потом стал наливать кофе. – Но вам всё равно придётся заплатить. Я не могу принимать пациентов в этой клинике за бесплатно. Сахар, сливки?

– Предпочитаю крепкий чёрный кофе. Я уже почти нашла работу. Если можно, я бы заплатила на следующей неделе.

– Постараюсь договориться. – Он протянул мне кружку, и, взяв себе другую, беспечно раскинулся в кресле. – Так что вы там говорили? Убийство?

– Самого убийства не произошло, – поспешила оправдать-

ся я. – Но... какое-то время я была уверена в этом.

– Впервые такое?

– Да. Обычно приступы ограничиваются своеобразным трансом, вселенной, существующей лишь в моей голове, но вчера...

Меня вновь словно окатило ледяной водой. Слова вертелись на кончике языка, но попытка договорить предложение провалилась. В два размашистых глотка осушив кружку с кофе и проглотив гущу, я закашлялась.

Доктор протянул мне салфетку.

– Давайте начнём с самого начала. Если вам тяжело об этом говорить, то лучше начать беседу с чего-то несущественного. Вам нужно научиться доверять мне. Ваш отец. Я кое-что слышал о...

– Из сплетен медсестёр? – на мгновение повеселев, хмыкнула я и потянулась за очередной вафлей. С набитым ртом разговоры велись непринуждённое.

– Расскажите мне о нём, – тактично опустив развитие шуток про медсестёр, повторил доктор.

– Ну, с папой у меня были хорошие отношения, если вы об этом. Здесь можно курить? – Я слегка нервничала, когда кто-то просил меня вспомнить о не таком уж и далёком прошлом.

Доктор кивнул. Похлопав себя по карманам халата, аккуратно извлек портсигар. С негромким «спасибо» я взяла одну, позволила подкурить себе и плюхнулась обратно в крес-

ло, выпуская столп дыма из носа.

– Он погиб, насколько я знаю?

– Да, полгода назад, он...

– Вы не чистокровная француженка. Предположу, что ваша мать отсюда, а отец? – видимо не желая начинать терапию с обсуждения акта самоубийства, резко переключился Робинс.

– Моя покойная бабушка после второй мировой переехала во Францию из Египта. Тут встретила деда, наполовину француза, наполовину египтянина. От него пошла моя фамилия.

– Значит, вы наполовину египтянка, наполовину француженка. А вы сами бывали на исторической родине отца?

Робинс ничего не записывал, и лишь маленький шипящий диктофон с горящей красной лампочкой напоминал мне о том, что я на приеме. Напоминал о том, что я... не совсем здорова.

– Нет. Мы планировали семь лет назад, но случилась ужасная авария. Я на девять дней впала в кому. Пришлось отложить поездку, а больше не представилось возможности.

– Семь лет назад? С того момента вас начал мучить один и тот же сон? После аварии?

– Верно, – кивнула я, – после аварии.

– Расскажите о своём сне, в деталях.

– Ничего особенного, – теребя заусенец, прошептала я. – Но вряд ли будет корректно назвать это обычным сном.

– Почему же?

– Это не сон. Это забвение, доктор.

– Забвение?

Я поджала губы.

– В последнее время я стала видеть мужской силуэт со странной формой черепа. – Рваным движением я стряхнула пепел и крепко затянулась сигаретой, постукивая ногой. Над головой сгущались тучи, хоть за окном и слепило солнце. – Как будто человеку прикрутили голову собаки.

– Ага, голова собаки, – задумчиво пробормотал доктор.

– Это странное состояние возвращает меня в реальность лишь тогда, когда он или я произносим одну и ту же фразу.

По спине пробежал табун мурашек размером с носорогов. Захотелось обернуться, словно за спиной кто-то стоит. Наблюдают. Слушает. Я посмотрела на нагоняющий жути диктофон и почесала колено. Представила, как через пару лет изо дня в день буду вещать эту к тому моменту заезженную историю в больничной палате для умалишённых, и скукожилась.

Робинс не моргал, глядя на мои руки, а затем резко схватил лист бумаги и стал записывать. Я знала, что там написано ещё до того, как доктор развернул планшет и показал мне мой кошмар.

«Danny ahabí yabí».

– Я правильно записал?

– Не знаю. Это какой-то бред. Я произношу его, но не знаю

языка, на котором говорю.

– Может, латынь? – Не сводя глаз с записи, он поправил съехавшие на нос очки.

– Я интересовалась. Только зря потратила целый день. Это не латынь.

– Древний египетский, греческий?

– А может это и не язык вовсе, – пожала я плечами.

– Заклятие?

– Ага. Заклинаю себя уgomониться и наконец-то нормально поспать.

Робинс задумался, нахмутив брови. Несколько минут он молча смотрел вперёд, что-то высчитывая у себя в голове, но единственным, что я хотела от него услышать, были слова: «Авария просто повредила ваш мозг. Сон ничего не значит. Просто больная фантазия. Сломанный механизм».

– Не думаю, что это бессмыслица. Навязчивые сны, на протяжении стольких лет повторяющиеся изо дня в день, обычно имеют под собой какое-то основание. Забытое воспоминание из детства, травмирующий опыт.

– Думаете, я забыла, как препарировала лягушек в детстве?

– Или людей, – словно между прочим пробормотал доктор. – В любом случае, нам следует начать с самого начала. Твоё подсознание хочет нам что-то рассказать. Оно уже говорит нам.

– Оно кричит, доктор, но что это меняет? Я не контроли-

рую это. Я ничего не могу сделать.

– Что-то, забытое очень давно, вспомнилось, когда вы попали в аварию. Так часто бывает с людьми, которые потеряли память. Случайный удар головой – и замки слетают. Память возвращается. Вы что-то забыли, Аника. Нечто очень важное, и не хотите это вспоминать.

– И что вы мне предлагаете?

– Вспомните, Аника. Позвольте себе вспомнить.

– Отличный совет. Что-то из одной категории с «не грусти, если тебе грустно»?

Но это едкое замечание доктор не расслышал, слишком увлечённо делая пометки о моём психическом состоянии у себя в блокноте.

Когда я притащилась домой, на улице уже давно стемнело. Тюльпаны соседки, мадам Розетты, днём казавшиеся единственной наградой за то, в какой помойке я теперь выживаю, при вечернем освещении зловещими тенями расползлись по стенам.

Я торопилась, по третьему кругу прикладывая размагниченный ключ к подъездному замку. Липкое ощущение, навязанное паранойей, щекотало спину и дыбом поднимало волосы на ногах. Руки покрылись мурашками.

По дороге из клиники я представляла, каким будет следующий кошмар. Случится ли это, когда я еду в вагоне метро или же когда стою в очереди в супермаркете, особого значения не имело. Я не могла предугадать заранее, но... вдруг это произойдёт здесь и сейчас? Голова шла кругом.

Я часто заморгала, пытаясь отогнать дурные мысли и продолжая теревить замок, который, как назло, всё никак не отпирался. Под ноздрями загулял пар, хоть на улице было не меньше двадцати градусов. Липкость, сжимающая затылок, концентрировалась и опускалась ниже, заставляя сердце учащённо биться.

А может, я до сих пор спала? Вдруг реальность и вовсе больше не существовала? Как мне теперь следовало отличать сны? Где находилась размытая грань между реальным миром и видениями?

Напряжение, вызванное бесконечным хаосом мыслей, подкосило колени. Казалось, сейчас из-за угла на меня выскочит что-то очень недружелюбное, но вместо этого в лицо ударил порыв промозглого ветра. Пара облезлых котов, всегда ошивающихся поблизости от дома и гадающих под дверью, внимательно за мной наблюдали. Тени и ветер всколыхнули цветастое полотенце этажом выше, а потом раздалось пиликанье.

Я запрыгнула в подъезд, заперла дверь спиной и с рекордной скоростью взлетела вверх по винтовой лестнице.

– Аника? – позвала из гостиной мама. Её голос подейство-

вал на меня успокаивающе, хоть и понимала, что в схватке с монстрами она ещё более бесполезна, чем сумка, которую я сжимала в левой руке и которой минуту назад планировала отбиваться.

– Дома. – Сняв кроссовки, я напоследок заглянула в окно в коридоре, чтобы убедиться в том, что кроме топчущих цветы котов ничто не представляло угрозу, и быстрым галопом помчалась в гостиную.

Мама сидела на диване, обложившись старыми фотоальбомами. На кухне возвышалась устрашающая гора грязной посуды, воняло гарью. Я быстро идентифицировала источник запаха, когда мама попыталась откусить частичку чего-то сгоревшего и чуть не сломала себе передние зубы. Обидное обстоятельство – это был мой ужин.

– Печенье, – пояснила она, когда я села рядом и вытянула ноющие от долгой прогулки ноги.

– Что делаешь? Ну, помимо разведения салеминых костров.

Только в качестве ведьм пыткам подвергалась еда, а костром служила старая, больше не подлежащая восстановлению плита.

– И не стыдно тебе вечно подшучивать над старой, больной женщиной?

– Из нас двоих болезненно и не на свой возраст в последнее время выгляжу только я.

Здесь я ничуть не лукавила. Агата Ришар блестела как

глянцева картинка даже в худший из своих периодов.

– Вообще-то я решила разобраться с коробками, которые пылились в шкафу после переезда. Нашла твои детские фотографии. – Она потрясла у меня перед носом альбомом и развернула его на первой странице. – Такая малышка.

С картинки на меня смотрела беззаботная девочка лет пяти: вьющиеся тёмные волосы, покрасневшие от солнца щёчки, большие глаза медового цвета в обрамлении густых ресниц. Галиб Ришар, статный мужчина тридцати лет, по совместительству мой, тогда ещё живой, отец держал меня на руках и жмурился, позволяя выдергивать волосы из своей пышной бороды.

– У меня были такие яркие глаза, – глядя на себя в детстве, пробормотала я.

– Да, ты была красавицей.

– Ну спасибо.

– Ты и сейчас красавица! – замахала руками мама. – Чёрные, как ночь глаза. А эти роскошные локоны... – Она хотела поддеть прядь моих волос, но они были скручены в пучок на затылке и жирнились у корней. Попытка принять душ утром не увенчалась успехом: воду снова отключили.

– Я похожа на папу. – Черты Агаты облагородили моё лицо лишь к тринадцати годам. До этого, особенно с короткой стрижкой, я была точной копией отца.

– Особенно в юности! Смотри. – Мама отложила мой детский альбом и достала другой, побольше и попыльнее. Резко

открыла на первой странице, от чего мы обе громко чихнули.

– Это его родители? – Я не помнила своих бабушку и дедушку. Они умерли, когда мне едва исполнилось семь.

– Нет, это его бабушка и дедушка. Они приезжали на нашу свадьбу, вот. – Она аккуратно разгладила чайного цвета снимок. – А это его родители. Наверное, ты их тоже совсем не помнишь. Я сейчас принесу другие, эти чем-то залили при переезде.

Вскочив с дивана, мама устремилась в коридор.

Я отложила размытую фотографию в сторону и взялась за письмо, развернув пожухлый клочок бумаги, украшенный длинными завитками. В университете я начинала учить арабский, но после первого семестра сменила профиль и ударилась в китайский. У отца как раз появились новые партнёры из Шанхая.

Казалось, особая магия заключается в символах, значение которых мне не суждено понять. Водя пальцем по строчкам, я не знала, что написано на жёлтом от старости листке: любовное письмо или же оскорбительная записка.

От семьи Ришар, когда-то богатой и известной, остались жалкие осколки. Все так или иначе умерли: родители моего отца погибли в авиакатастрофе, а сам он застрелился. Где-то на другом конце Франции обитала тётка, но мы так давно не виделись, что я привыкла считать себя последней из ришаровского помёта.

Несмотря на это важное обстоятельство, в отличие от ма-

тери, я почему-то не испытывала особенного пиетета по отношению к семейной истории, фамилии и прочим регалиям. Я ничего не знала о семье Ришар, а потому не чувствовала какой-то глубокой, особой связи с прошлым своих предков. Нас всегда было только трое: я, мама и отец.

Размышляя обо всём этом, я не заметила, как оперлась о спинку дивана, расслабилась, обмякла. Доносящиеся из открытого окна звуки стихли, как и мамины негромкие бормотания в углу коридора.

Снова посмотрев на мятый листок в руке, я почувствовала что-то странное, чему не могла найти описания: глаза вцепились в неизведанные завитки, а пространство вокруг расфокусировалось, превратившись в мутное пятно.

Несколько мгновений в моей реальности существовало только это письмо, словно каким-то магическим образом оно пыталось затянуть меня внутрь. По крайней мере так это ощущалось.

– *Прочь*, – набатом прогудело в ушах. – *Прочь*.

Этот голос был новым, незнакомым. Он не принадлежал миру снов, в которых я медленно сходила с ума, но и не принадлежал мне. Вполне реальный, он звучал откуда-то из-под потолка, эхом отражаясь от стен и дешёвой мебели. Голос существовал в реальности, и он гнал меня.

«*Прочь. Прочь. Прочь*».

Эти слова повторялись снова и снова, а я продолжала сидеть, словно приклеенная к спинке дивана. Ноги и ру-

ки взбунтовались, отказывались слушаться, но потом что-то случилось. Пелена отступила, и реальность взорвалась какофонией поглощённых ранее звуков.

– Мам! – закричала я, вскочив с дивана. Сердце заухало в горле. Голова закружилась, но я устояла на ногах и рванула в коридор.

Казалось, меня сейчас стошнит от волнения. Спотыкаясь о разбросанные по полу фотокарточки, с которых за мной наблюдали налитые кровью глазницы, я доползла до двери и привалилась к косяку.

Она стояла, сгорбившись над коробкой. Рылась в старых альбомах и письмах, не поворачивая головы и не реагируя на мои крики. Переведя дыхание, я снова позвала её.

– *Домой*, – прогудел нечеловеческий голос, вырвавшись из рта моей мамы. Она неестественно дёрнулась, не с первого раза совладав с шеей. Когда же обернулась ко мне, чёрными глазами выжигая в моей опешившей физиономии дыру, загробный шёпот, слетевший с её губ, добавил: – *Я хочу домой*.

Внутри что-то щёлкнуло. Так резко, что я прижала пальцы к груди, испугавшись, что сердце действительно выпрыгнет наружу. Но оно лишь колотилось о рёбра, заставляя мои пальцы вибрировать. Когда я наконец собралась с силами, чтобы что-то предпринять, уже не различала, где сон, а где явь.

III

– Ну и дела, – глядя в ту же точку, что и я, прошептал Жерар.

Повинуясь разворачивающимся на телеэкране действиям, мы одновременно склонили головы влево, а затем вправо, и так раз десять, пока эффект от трёх литров утилизированного за последний час пива немного не ослаб.

В грязной пепельнице на маленьком журнальном столике, заваленном тарелками и книгами, тлела сигарета. Жерар снимал крохотную квартирку, поэтому дым быстро распределился по периметру и уже начал концентрироваться у меня под носом.

Я чихнула, и столб пыли, отливающий красным светом, который пробивался из-под плотных, но местами драных штор, взмыл кверху. Молодой Брэд Питт в фильме «Большой куш» втащил кому-то по физиономии, и Жерар глухо хихикнул.

– Домой, – прогудел нечеловеческий голос, вырвавшись из рта моей мамы. Она неестественно дёрнулась, не с первого раза совладав с шеей.

– Аника, – позвал Жерар, вырвав меня из воспоминания.

– А?

– Ты зависла. – Он несколько секунд пристально разглядывал меня, пока вдруг не промычал: – Так странно.

– Что странно?

– Ты странная.

Я повернула голову в его сторону, в сигаретной дымке пытаюсь различить эмоцию, с которой он произнёс эти слова. Сознавшись Жерару во всём, что творилось в моей жизни последние полгода, я ожидала, что он сочтёт меня чокнутой, но... нет. Парень изучал меня с любопытством, без какого-либо двусмысленного намёка, а я, впервые в жизни, добровольно доверила кому-то свой самый страшный секрет.

Даже Патрик, мой бывший парень, не знал о том, что со мной происходило. Мы никогда не ночевали вместе, и каждый раз, когда он просил меня остаться, я словно какая-то преступница, опасаяющаяся разоблачения, сбегала домой.

Да, общественное мнение играло важную роль в моей жизни. Во всяком случае до этого дня, ведь я впервые так сильно испугалась. Настолько, что ни секунды не думала о репутации, босиком выбежав на улицу и ещё полчаса в таком виде добираясь до кофейни Жерара.

Я не решилась остаться. Не стала разбираться в том, очередной ли это кошмарный сон или же неутешительная новая реальность. Не стала геройствовать, строить из себя бесстрашную главную героиню дешёвого фильма ужасов. Я просто сбежала.

– Но нет, не подумай неправильно, – поспешил добавить парень. Шипение телевизора, треск тлеющих сигарет и шум машины сопровождали его речь. – Я верю в то, что ты мне

рассказала. Я скорее о том, что ты сама по себе сильно изменилась. Даже говоришь теперь совсем не так, как прежде.

Только вот я не желала меняться. Просыпаясь по утрам и кутаясь в дешёвое одеяло из маркета в соседнем доме, я вспоминала себя прежнюю и следующие четырнадцать часов бодрствования держала этот образ в голове, старалась ему соответствовать. Я знала, что изменилась, но больше всего боялась, что об этом узнают и остальные.

– А как я говорила прежде? – натянув фальшиво-безразличную ухмылку, поинтересовалась я.

Жерар слегка задумался, а потом резко сел и вскинул подбородок, наигранно надув и без того пухлые губы.

– Вот так. – Он взбил импровизированные локоны. – Патрик, не трогай меня! Патрик, я же только что сделала причёску!

Мне хотелось улыбнуться и наградить его хмурым взглядом одновременно, поэтому на лице вышло нечто несуразное, и парень громко рассмеялся.

– Ладно, прости, я просто хотел поднять тебе настроение.

– А вместо этого в трёх словах напомнил мне о бывшем и намекнул на то, что теперь я выгляжу не так хорошо, как прежде.

Решив неловко съехать с темы, Жерар спросил:

– Мама до сих пор не звонила?

Однако и эта тема оказалась не самой удачной. Я сунула руку в задний карман джинсов.

Мама не писала и не звонила, что вызывало неконтролируемый поток самых пугающих предположений. Вдруг в таком состоянии она выбежала на улицу следом за мной? А что, если её задержала полиция?

Если всё случившееся мне просто привиделось, мама бы уже непременно озаботилась отсутствием единственной, двадцати пяти лет от роду дочери. Из чего следовало – что-то всё же пошло не так, и мне стоило как можно скорее вернуться домой, но... столько различных «но», порождённых тупым страхом, копошилось в моих мыслях последние несколько часов.

– Не звонила. Считаешь, мне стоит вернуться домой и проверить её?

– А ты хочешь возвращаться домой?

– Нет, – недолго думая, призналась я. – Скажи честно, я сошла с ума?

– За пять лет в университете ты так ничего обо мне и не поняла, Аника Ришар.

В немом вопросе я вздёрнула одну, а затем и другую бровь.

– Я не из тех, кто судит людей. Я ведь приезжий без цента в кармане, забыла?

– Точно! – вдруг осенило меня. – Ты же из Сирии. Ты знаешь арабский?

– Знаю. – От того, как резко и радостно он кивнул головой, очки слетели с переносицы и повисли на подбородке.

– А если я тебе кое-что покажу, сможешь перевести?

Я схватила письмо бабушки, чтобы показать маме, а потом, убегая, машинально сунула его в карман. На то, чтобы собраться с мыслями, потребовалось какое-то время. Я боялась вновь что-то услышать, но ничего не произошло, когда Жерар взял письмо. Вполне обычный клочок бумаги в непропорционально маленьких по сравнению с туловищем руках выглядел совершенно безобидным.

– Чьё оно?

– Моей бабушки или прабабушки. Я не знаю.

Быстро пробежавшись по строчкам, он почесал бороду и повернул голову в мою сторону.

– Ну тут ничего интересного. Она по кому-то очень скучает и ждёт не дожётся, когда на свет появится их долгожданный малыш. Париж, 1968.

– Значит, бабушка.

– Писала она с ошибками. Безграмотная у тебя бабуля.

Я смирила парня гневным взглядом, а сама снова задумалась о том, что почти ничего не знаю о матери своего отца. Имелась ли вообще какая-то связь между ней и тем, что пыталось прогнать меня вчера вечером? Имелась ли вообще хоть какая-то связь между событиями, предшествующими маминому психозу?

– Чёрт, десять утра, – вдруг спохватился Жерар. – Кафе следовало открыть ещё час назад!

– Это же твоё кафе. Тебя никто не уволит за опоздание.

Ты сам себе босс.

– Аника, – теперь он говорил с нескрываемой насмешкой, как это делали взрослые, поучая малых детей, – в этом, понимаешь ли, и заключается проблема. Боссы платят на несколько месяцев вперёд. При банкротстве малого бизнеса таких поблажек не будет.

Я размышляла о тяжёлой судьбе Жерара, шлёпая по лужам в сторону Лувра. В провонявшем пóтом чёрном худи и солнцезащитных очках, скрывающих красноту глаз, я походила на типичную уроженку Обервилье. Наконец-то! Потребовались всего полгода и прогрессирующая шизофрения.

Мама по-прежнему не звонила. Я проверяла телефон каждые пять минут, и в конечном счёте вписалась в столб на перекрёстке. Воровато заозиралась, чтобы посчитать, сколько людей видело мой позор. Три автобуса с туристами только-только разгрузили вещи и с интересом на меня глазели.

Я ненавидела этот день. Ненавидела свою жизнь и думала, что на этом чёрная полоса, если не в жизни, то в сегодняшнем дне закончилась. Хуже ведь быть уже просто не могло.

«Могло», – подумала я, похлопав себя по бокам у кассы с билетами. «Особенный» пропуск остался дома, куда я, честно говоря, не горела желанием возвращаться, а в карма-

нах не оказалось ни цента. Открывать банковское приложение не имело смысла.

Пока я крутилась на месте, вытряхивая из одежды всё, что вытряхивалось, в надежде отыскать хоть сколько-нибудь мятых купюр, очередь начала недовольно вздыхать. Все словно стервятники поджидали, когда я наконец сдамся, не стесняясь смотреть с осуждением и свысока.

Свысока... никто и никогда не смел смотреть так на Анику Ришар. С завистью, с восхищением – да, но только не так.

Румяная от смущения и одновременно зелёная от подкапывающих волн истерики, я отошла от кассы.

Лувр гудел, переполненный туристами. Суетливо, теряя друг друга в толпе, но со счастливыми усмешками на лицах, словно кадры из фильмов люди проносились перед глазами. Они быстро потеряли ко мне интерес, вернувшись к своим делам и мыслям, а я так и продолжала стоять, чувствуя себя липкой и грязной от их оценивающих взглядов.

– Нет, чёрта с два кто-то увидит мои слёзы, – себе под нос пробормотала я и резко развернулась, впечатавшись ещё побаливающим после встречи со столбом носом кому-то в грудь.

Охранник под два метра ростом с нескрываемым презрением опустил голову и оглядел мой вторичный образ под названием «дарёному коню в зубы не смотрят». Когда Жерар предложил выбор из того немногого, что у него было, я с благодарностью и скрипом зубов выбрала самый безобид-

ный вариант. Рваную майку с жёлтыми кругами в области подмышек оставила на другой раз.

– Привет, – опутив солнечные очки, пискнула я. Раньше Эмиль был приставлен ко мне как личная охрана. Эксклюзивные выставки, светские рауты – я ходила в Лувр, как к себе домой, а этот амбал носил за мной сумки и шёпотом называл на «вы».

Он не поздоровался, не улыбнулся. Когда больше не платили за то, чтобы любезничать со мной, он сразу показал своё настоящее лицо, фыркнув на меня и отвернувшись.

– Эмиль, я должна срочно увидаться с monsieur Робинсом. – Я надеялась, что сын доктора Робинса носил ту же фамилию, что и отец, правда ещё не до конца понимала, зачем явилась к нему. Что сможет изменить перевод? Терапия резко пойдёт в гору? Кошмары решат, что им больше не интересно меня мучить и отвяжутся?

Я не могла дать себе всех ответов. Ладно, вообще ни одного ответа, но была так напугана и дезориентирована, что решила отложить размышления на потом. Потом, в котором всё само как-нибудь рассосётся, как с зачётом по экономике на втором курсе.

– Билет, – словно робот, ответил Эмиль.

– Нет у меня билета.

– Тогда купите билет.

– Пусти, кому говорю!

– Женщина, покажите билет или не задерживайте оче-

редь.

Застонав, я от бессилия топнула ногой. Люди странно на меня смотрели. Вокруг всё гудело и бесило. Дёрнув золотую подвеску на шее, я внезапно прозрела. Быстро сняла украшение и протянула охраннику.

– Возьми это в качестве залога. Буду уходить – куплю билет.

«Если найду Робинса, а тот будет достаточно милостив, чтобы одолжить мне немного денег. Какой позор!»

Эмиль долго таращился на мою ладонь с болтающимся кулоном и не моргал. Поступившая информация обрабатывалась медленно, но я терпеливо ждала. Когда он поднял руку и почесал затылок, промышлав что-то вроде: «ну-у-у», я уже шагала впереди толпы с его служебным пропуском на шее.

Я была невысокой. Скорее даже низкой. И именно поэтому двигаться как рыбе в воде не получилось. Стайка галдящих на весь Лувр школьников зажала меня в тиски и потянула с собой на первый этаж, чётко следуя за стрелочкой: «Джоконда».

Я ненавидела эту женщину. И поспешила поделиться своим мнением со всем миром, крича благим матом и словно кегли расталкивая окруживших меня детей.

Экспозиция Древнего Египта раскинулась сразу на нескольких этажах: нулевом, первом и минус первом, куда частенько привозили экспонаты из других музеев на временную выставку.

Начать с того места, на котором я стояла, показалось мне разумным стратегическим ходом. Обогнув толпу, стремящуюся поглазеть на творение да Винчи, я проскользнула в отдел египетских древностей на первом этаже.

Здесь оказалось не таклюдно, как в других частях Лувра. Завороженные расписанными золотом потолками, посетители негромко перешёптывались, фотографировали. Моё искорёженное красное лицо попало как минимум на пять или десять снимков, но мне всё же удалось протолкнуться к пожилой женщине, смотрительнице музея.

– Прошу прощения, madame. – Я сняла солнечные очки и поправила волосы. Женщина с интересом уставилась на мой спёртый у охранника пропуск.

– Чем могу помочь, monsieur Карант? – ухмыльнулась она.

– Ришар, Аника Ришар. – С виноватой улыбкой я спрятала белую карточку на шнурке под худу.

– Ришар, знакомая фамилия. Чем могу помочь, Аника?

– Я ищу monsieur Робинса, американского археолога...

– Робинс, – закатив глаза, она выплюнула его фамилию как пригоршню яда, – не знаю, где этот заносчивый американец сейчас, но утром я видела его в кафетерии. Он брал американо. – Всё, что начиналось на «аме» и заканчивалось «рика», явно вызывало дискомфорт в голосовых связках смотрительницы.

– Здесь его нет?

– В моём крыле нет, поищите его этажом ниже. Он часто

там обитает. Ни на шаг не отходит от своего «важного», — она изобразила кавычки, — экспоната.

Лёгкие протяжно заныли, моля о пощаде, когда я перешла с быстрого шага на бег. Времени, конечно, было навалом, но мысль о том, что с минуты на минуту я смогу разобраться с загадкой своей шизофрении, послужила хорошим ускорителем. Я неслась по ступенькам, разгоняя пыль и туристов.

Телефон в кармане начал вибрировать.

— Алло, мам?

— Аника? Боже, дочка, где ты?

Остановившись, я привалилась к мраморной колонне. Пальцы нервно подрагивали, прижимая телефон к уху. Люди продолжали толкаться и кричать, и мне пришлось прислонить ладонь к телефону, чтобы мама могла меня услышать.

— Мам... ты в порядке?

— Милая, — на другом конце послышались всхлипы, словно она силилась сдержать слёзы, — я...

— Мам...

— Аника, — её голос скрипнул, и у меня окончательно сбилось дыхание, — я помню. Нечто странное... словно сон. Я проснулась, думала, что мне всё привиделось, но потом вышла в коридор, а там разбросанные коробки, фотографии...

Меня снова начало тошнить. Звуки, лица — всё смешалось, в одночасье расплылось пятнами перед глазами. Страх и гулкие удары сердца достигли кульминации, а потом резко

обвалились вниз. В полной растерянности, с помутневшим взглядом я медленно опустилась на мраморную ступеньку. Одна нога заскользила вперёд, и мягкое падение превратилось в стремительное.

— Ma tante. — Кто-то дёрнул меня за плечо. Я обернулась, стеклянными от слёз глазами уставившись на маленькую девочку с гигантским бантом в русых волосах.

Такие банты уже давно не носили. Как и платья. На худеньком, бледном теле висел не по размеру большой сарафан с резным воротничком. Утерев непроизвольно текущие по щекам слёзы, я открыла рот, чтобы предложить потерявшемуся ребёнку помощь.

Но взгляд упал ниже воротничка прежде, чем мне удалось выдавить из себя хоть слово. Все движения и окружающие звуки замерли, стихли, когда под рёбрами, там, где у людей билось сердце, я увидела зияющую пустоту.

— Помогите мне. Я не знаю, куда идти...

Кажется, меня стошнило, потому что во рту стало кисло.

— Помогите...

— Нет, нет...

Почему я? Почему со мной? Неужели двадцать пять лет беззаботной жизни стоили так дорого?

Я замерла в тупом оцепенении, отвечая девочке упрямым взглядом. Если мои сны перебрались в реальный мир, мне уже ничего не могло помочь. Бежать, кричать... я могла лишь принять это.

Но попытка пойти по пути смирения полетела к чертям, когда девочка раскрыла рот и громко зарокотала, выпуская из горла вязкую чёрную жижу. Danny ahabí yabí. На последнем издыхании, потеряв собственный сердечный ритм, я истошно завопила...

– Девушка? – Кто-то сильно тряс меня за плечи.

Коридор, который от большого количества народа гудел, словно улей, встретил меня шумом и спёртым воздухом.

Кто-то тыкал мне в нос нашатырём, но я уворачивалась, пытаюсь рассмотреть лица людей, образовавших кольцо, чтобы поглазеть на сумасшедшую. Девчонка с дырой в области сердца растворилась как ночной кошмар, а я снова вернулась в нормальный мир. Это осознание вызвало во мне целую бурю эмоций, от которых я быстро забыла о неоконченном телефонном разговоре с мамой.

– Упёртая, – возмутился голос с ярко выраженным акцентом.

Я подняла голову. От резкого движения в глазах заплясали чёрные точки. Открыла рот, чтобы что-то спросить, когда вата всё же добралась до моего носа и ткнулась в ноздрю.

– Вы больной? Что вы делаете?... Да отстаньте вы от меня!

– Это вы больная, – с нескрываемым недовольством произнёс кто-то. Голос принадлежал мужчине, на которого я уставилась снизу вверх, пытаюсь различить лицо, но тени скрывали незнакомые черты.

– Вы американец?

Голова ещё болела после припадка, и, возможно по этой причине, когда я попыталась встать, быстро свалилась обратно. Чьи-то руки бережно подхватили меня под лопатки.

– Предположу, что вы поняли это по моему акценту?

– Ужасный американский акцент.

Крепкие мужские руки приобняли меня за талию и поставили на ноги. Слегка пошатавшись из стороны в сторону, я упёрлась ладонью в твёрдую грудь, обтянутую приятным на ощупь хлопком.

А потом подняла голову, теперь ясно различая угловатые черты лица моего наглого спасителя. Передо мной стоял высокий брюнет, с массивной линией подбородка и серыми глазами, спрятанными за чёрными очками для зрения. Вылитый доктор Робинс.

– Monsieur Робинс?

Он жестом дал понять обеспокоенным окружающим, что со мной всё в порядке.

– Мы знакомы?

– Ваш отец – мой лечащий врач.

Он как-то странно усмехнулся, всё ещё придерживая меня за талию. Я воспользовалась подвернувшейся возможностью и принялась, параллельно изучая огромное кофейное пятно на его правом предплечье. От него приятно пахло: пылью, старыми книгами, древесным парфюмом и...

– Уронил, пока ловил вас, – объяснился Робинс, поднимая с пола бумажный стаканчик из-под кофе. – Вам нужно

отдышаться и выпить воды, давайте отойдём в более тихое место, – тоном моего учителя математики предложил он.

Холодные серые глаза бегали по моему лицу, изучая его с каким-то нездоровым научным интересом, но когда я стянула худи и повесила на талии, оставшись в коротком топе, сын доктора смущённо кашлянул и отвёл взгляд.

– Белая карточка? – спросил он, когда после моего согласия попить водички и побыть наедине с тишиной, мы стали спускаться по одной из служебных лестниц.

– Взяла займы у старого друга.

– Значит, это правда. – Робинс толкнул дверь и галантно придержал её для меня, пропуская вперёд. Проходя мимо, я отметила его высокий рост и ровный ряд белых зубов.

– Правда?

– Что я единственный человек в Париже, у которого нет друзей.

– Хотите завести друзей в Париже, попробуйте подучить французский. Мы не сильно любим приезжих.

– Даже тех приезжих, что протянули вам руку помощи?

– Я толком не понимаю, что со мной случилось, – соврала я, обхватив себя руками. – Я...

– Вы просто упали в обморок, – пропуская меня в очередной тёмный, сделанный для персонала, а потому безлюдный коридор, ответил он.

– Просто тут у вас душно.

– Душно? Так это из-за духоты?

– Да, из-за неё, – кивнула я, когда мы вышли в центр пустующего зала, остановившись у одного из экспонатов временной экспозиции.

Робинс рассмеялся, но ничего не ответил, а я не решилась продолжать разговор, уставившись на обрубок женской головы из какой-то чёрной породы.

Навсегда увековеченная в камне, она внимательно следила за мной. За ним. За нами. Я с трудом оторвала глаза и обернулась, физически ощущая чей-то взгляд, скользящий по моей спине. Робинс обернулся следом. Видимо, ничего не почувствовав и не увидев, посмотрел на меня и с искренним беспокойством в голосе поинтересовался:

– С вами точно всё хорошо?

В пустом зале никого не было. Рассеянными и оттого пугающими источниками света служили маленькие лампочки, прикрученные к краям куполов, которыми был накрыт стройный ряд музейных экспонатов.

Но взгляд упал ниже воротничка прежде, чем мне удалось выдавить из себя хоть слово. Все движения и окружающие звуки замерли, стихли, когда под рёбрами, там, где у людей билось сердце, я увидела зияющую пустоту.

– Это бюст царицы Нефертити? – спросила я, стряхивая наваждение и стараясь придать голосу как можно больше жизни. Перед внутренним взором по-прежнему стояла та девчонка.

– Её всегда путают с ней, – скрутив руки на груди, ответил

Робинс. – Исида, мать Гора, одна из самых могущественных богинь египетского пантеона.

Покосившись на Робинса, я обнаружила ухмылку, с которой он причислил меня ко «всем». В вопросах египетской мифологии я и правда не выделялась из общей необразованной массы, а вот он, как оказалось, принадлежал к тем, кто любил делать акцент на собственной осведомлённости.

– Не верю в эти легенды, – фыркнула я, не спрашивая его мнения по этому вопросу, но он всё равно высказался:

– Неверие гасит интерес, а отсутствие интереса тормозит прогресс. В руках современного человека нет доказательств существования этой ветви религии. Равно как и доказательств того, что всё это неправда.

– Дарвин сейчас в гробу ворочается от ваших слов, – сглотнув, пробормотала я и всмотрелась в безжизненные каменные глазницы напротив. Скульптор, сотворивший столь жуткую работу, являлся самым настоящим извращенцем. Если некая по имени Исида действительно существовала, то должна была выскочить на меня прямо из этого камня.

– Дарвин был человеком. Наше восприятие, будь то зрение или слух, крайне ограничено. – Налюбовавшись на каменную дамочку, профессор уставился на меня. Ощушая его взгляд, бегающий по моему подбородку, я закатила глаза. – Мы ведь не видим волны вай-фая, – добавил он.

– Робинс!

– Чёрт! – Я встряхнула руками, чтобы унять нервную

дрожь. Кто-то позвал сына доктора, и от неожиданности у меня, наверное, случился инфаркт.

Очень по-американски, не спрашивая разрешения, Робинс коснулся моего плеча и легонько погладил по руке. Я подняла глаза, чтобы рассказать ему о том, что думаю по поводу несогласованных прикосновений, но он вдруг резко извинился и быстрым шагом направился в сторону группы мужчин.

Сперва я увидела лишь очередного зрителя музея. Пожилой мужчина в клетчатом пиджаке что-то негромко говорил, размахивая планшетом с вложенными в него бумагами. И хотя он улыбался, поза показалась мне напряжённой. Зритель несколько раз с опаской оглянулся, а когда Робинс подбежал к нему, вздохнул с заметным облегчением.

Мне стало любопытно, что скрывает саркофаг. Обнимая себя руками, я сделала несколько шагов вправо и уставилась на три фигуры в чёрном. У саркофага стояла девушка. Она водила пальцем по иероглифам на крышке древнего гроба и громко смеялась. Рядом с ней находился парень. Невысокий, с торчащими из-под чёрной шапки каштановыми кудрями. На глазах, так же, как и у девушки, были солнечные очки, скрывающие глаза, но только подчёркивающие акцент на белозубой улыбке, играющей на их лицах.

Третья фигура выделялась на общем фоне веселья. Мужчина в чёрном плаще, накинутом поверх костюма, выглядел напряжённым. Его не волновал беззаботный смех ком-

паньонов, скорее наоборот, он испытывал раздражение. Когда Робинс подошёл к ним, мужчина снисходительно и устало улыбнулся краешком тонких губ.

Я тарасилась на него слишком долго. Думаю, поэтому он вдруг резко повернул голову и посмотрел на меня. Лицо тут же обдало холодом, с которым он небрежно фыркнул и отвернулся.

Индюк.

IV

Две недели спустя

В кабинете Робинса стало душно. И тесно. Я потёрла переносицу, чтобы занять руки и не найти им другого применения. Хотелось кого-то ударить, но тут мама взяла у доктора носовой платок и шумно в него высморкалась.

Теперь на приём психотерапии мы ходили вместе. Несмотря на то, что Робинс был специалистом сомнительного качества, плотный рабочий график не позволял ему выслушивать нас по отдельности. Ко всему прочему, последнюю неделю мы платили ему не деньгами, а отговорками.

Как выяснилось позднее, отговорки были не самой худшей платой. На прошлой неделе мама притащила доктору рыбный киш. Я предупреждала Робинса, что не стоит его пробовать, но тот оказался слишком вежливым, и за это ему пришлось поплатиться... выскочившей из зуба пломбой.

А в остальном всё шло как по маслу. По хреновому маслу.

– Агата, – доктор пытался успокоить маму, постоянно твердя, что одно странное событие не делает её клинической психопаткой, – прошу вас, возьмите себя в руки.

Но она не сдавалась, и это в каком-то смысле играло мне на руку. Вот уже четвёртый сеанс подряд в тени её безумия я молча обитала в углу кабинета и ждала десяти часов. Имен-

но в это время Александр Робинс, сын доктора Робинса, начинал свой рабочий день.

– Скажите прямо, доктор, я умру, да? – вдруг резко схватив его за руки, слезливо протянула мама.

Мне не требовался диплом психолога, чтобы после двух сеансов прийти к мнению, что причиной наших постоянных визитов стала вовсе не её вера в способность Чарли Робинса помочь. Ей не хватало внимания, она испытывала страх и скуку одновременно, а возрастного доктора с пышной шевелюрой и стройным телом Агата находила привлекательным, достойным своей компании.

– Аника, ну пожалуйста!

– Я сплю! – кутаясь в одеяло, промычала я. – Отстань от меня.

– Не отстану!

Взобравшись на пьедестал человеческой наглости, мама схватила конец одеяла, в котором я безуспешно пыталась спрятаться, и резким движением руки скинула его на пол.

– Восемь утра! – завопила я, когда ещё прохладный утренний ветерок из настежь распахнутых окон лизнул пятую точку. – Не пойду я к твоему психологу. От него никакого толку. Иди одна.

– Я не могу одна, тіпои! Он неправильно всё поймёт...

– Как ещё можно понять то, что ты к нему подкатываешь? – взбивая подушку, проворчала я.

– Аника!

– Да что?

Выше самой вершины пьедестала наглости уже просто некуда было стремиться, но и тут Агата Ришар превзошла даже саму себя. Выдернув из-под меня нагретую подушку, она швырнула её к одеялу и обеими руками вцепилась в мою ногу.

Робинс смущённо закашлялся, уставившись на свои руки в стальной маминой хватке.

– Madame Ришар, вынужден вас обрадовать, но мне кажется, что жить вам ещё долго.

– Вынуждены огорчить, – съязвила я, закуривая сигарету.

Изобразив как можно более непринуждённое выражение лица, мама пнула меня ногой, за что сразу же получила в ответ. Прежде чем между нами завязалась кровавая бойня, Робинс поспешил вмешаться и предложил свой фирменный отвар из шиповника.

За последние две недели Агата Ришар довела меня до инсульта. Трижды. Дважды до инфаркта. И до одной попытки отлупить её сумкой. Я думала, что убью её, когда на прошлой неделе мама притащила меня к потомственной ведьме за двадцать евро в час.

Она почти согласилась расстаться с последними деньгами, когда услышала, что на самом деле все наши ненастья от того, что мы слишком закрылись от мира. Перевод на пять тысяч в фонд поддержки молодых ведьм должен был стать первым шагом к искуплению.

И это ещё не всё, потому что над входной дверью вместо цветов в горшках с землёй теперь лежал чеснок, а желая открыть окно в своей комнате, я непременно стряхивала на пол полтонны соли. По мнению Агаты, соль способствовала изгнанию демонов, только вот она не знала, что единственным демоном в квартире являлась она сама. И, к сожалению, соль её не брала.

– Как продвигается работа с Александром? – Робинс вырвал руки и спрятал их в карманы халата, чтобы мама не могла до них дотянуться.

– Так же, как и наша.

– То есть никак? – с грустным вздохом предположил доктор, заставив меня изрядно удивиться.

– В вас вдруг резко проснулось чувство юмора, или мы действительно настолько безнадежны?

Где-то в глубине души я продолжала надеяться, что главной проблемой был крысиный яд, который madame Розетта, наша соседка, распыляла в подъезде. Может быть... каким-то образом химическое вещество через дыхательные пути повредило мою и мамину кору головного мозга, вот у нас и поехала крыша? Ведь хуже реальной прогрессирующей шизофрении могла быть только прогрессирующая шизофрения у тебя и твоей матери, которая и до этого не отличалась трезвым взглядом на мир и многие другие вещи.

– Миссис Ришар, вы ведь в ту ночь находились в машине вместе с Аникой? – Робинс периодически переключался

с ломаного французского на американский английский.

– Да, мы ехали на её выпускной бал. – Мама подпёрла рукой подбородок, любуясь доктором Робинсом. – Представляете, мы пропустили выпускной! Кошмар. – Она издала пять или шесть грустных вздохов.

На этот раз в её возмущениях имелась толика истины. Я хотела на тот выпускной. Любая бы хотела, но лишь я не смогла доехать, когда пьяный водитель вылетел на встречную полосу. Некоторые травмы, полученные в тот вечер, оказались несопоставимы с жизнью. Чудо, что я не осталась инвалидом, отделавшись недельной комой и многочисленными переломами.

Как я узнала позже, мама вылезла из машины целая и невредимая. Даже успела вытащить меня, прежде чем автомобиль загорелся. Ни единого перелома, лишь пара царапин и глубокий порез от ремня поперёк груди.

Нормально ли то, что мы обе выжили, если от машины не осталось ничего, кроме обломков каркаса? Признаюсь, никогда об этом не думала, слишком занятая сожалениями по поводу пропущенного выпускного.

– Думаете, это как-то связано с аварией?

– Почти уверен в этом, но боюсь, что здесь я бессилен. Вам следует обследоваться у неврологов и...

– Уже обследовалась. – С грохотом опустив кружку на журнальный столик, разделяющий меня, маму и Робинса, я едва не уронила диктофон, который исправно записывал

весь тот бред, который мы обсуждали вот уже вторую неделю.

Робинс снова посмотрел на папку со снимками семи и пятилетней давности. Кое-кто бы поспорил, но после каждого из обследований вердикт оставался один и тот же: идеальный мозг, полностью здорова.

– Признаюсь, никогда не сталкивался с подобным. Поверьте, психов в моём кабинете побывало не мало. Я слышал страшилки и похуже вашей, но... вы не кажетесь мне больными, и это же подтверждают многочисленные обследования и заключения предыдущих психиатров, психологов и неврологов. Не считая расстройства сна. – Он тянул с этим вердиктом целых две недели. – Вы говорите чистую правду. Аника и вы, миссис Ришар, видите...

– Демонов, – со страдальческим выражением лица заявила мама и откинулась на спинку кресла, приложив ко лбу тыльную сторону ладони. – Мне плохо...

– Не знаю, кого видит эта madame, но я вижу лишь себя. Можем сказать, что это шизофрения, но что нам делать с тем случаем? – Мама отвлеклась на что-то за окном, и я перешла на шёпот. – Разве мы можем видеть и участвовать в одном видении одновременно?

– Я не могу поставить вам диагноз шизофрения. Во-первых, для этого вам нужно посетить психиатра. – Робинс заметно расстроился, будто бы сожалея об упущенной много лет назад возможности.

– Мне не нравится думать о том, что я подозреваю что-то потустороннее. Это ведь полный бред.

– Я доктор, Аника, – пробормотал Робинс, уставясь в окно и, кажется, убеждая в этом самого себя. – Я не верю в потустороннее.

– Вам придётся выбирать. Либо мы обе законченные психички, либо мне стоит вернуться к потомственной ведьме за двадцать евро в час.

– А я говорила, – внесла свою лепту мама. – Между прочим...

Пока она рассказывала доктору о том, что думает по поводу тех шарлатанов, а Робинс мысленно забирал обратно свои слова о степени её вменяемости, я откинулась в кресле и достала телефон.

С последней публикации в социальных сетях прошло ровно семь месяцев. С улыбкой до ушей и в модном коктейльном платье я стояла на фоне новой машины, подаренной отцом без повода. Десять тысяч лайков и сотня комментариев разделяли мой восторг, восхваляли мою красоту или просто мечтали быть мной.

Могла бы сказать, что не ценила всё, что имела, но... тогда бы я солгала. Каждый день, каждый час и каждую минуту я обожала свою жизнь и осознавала, как сильно мне повезло.

У меня было всё: парень мечты, подруги мечты, жизнь мечты. Я была весёлой, лёгкой на подъём девушкой, и даже кошмары, которые уже тогда мучили меня на протяжении

шести лет, ни капли не мешали наслаждаться, растворяться в окружающей действительности.

Палец сам потянулся к иконке мессенджера, который я перестала проверять, опасаясь жалости и презрения. Именно так мои бывшие друзья встретили трагедию семейства Рижар: с жалостью.

Я точно помнила, что последней в диалогах стояла переписка с Патриком, и искренне удивилась, увидев свежее сообщение от Моники, которая вычеркнула меня из своей жизни даже быстрее, чем это сделали остальные.

«Привет, дорогая. Как твои дела? Держишься? Помнишь Жерара? О, ну да... конечно помнишь»

Моё сердце учащённо забилося, а рука, в которой держала телефон, вспотела.

«Мы вчера случайно пересеклись в городе. Он мне всё рассказал. Крошка, если тебе нужны деньги или помощь хорошего специалиста, только напиши мне».

– Аника? Всё хорошо? – спросила мама.

Я заблокировала телефон и поспешила спрятать его в сумочку.

– Да, всё отлично, – с трудом сдерживая слёзы, натянуто улыбнулась я.

Часть Лувра, вход в которую оставался закрыт для простых посетителей, пленила своей тишиной. На секретном минус третьем этаже развернулась целая лаборатория, в которой историки, археологи и учёные со всего мира возились с таинственными манускриптами, руководили раскопками.

Александр Робинс попал сюда, вернувшись из экспедиции в Иран. Там он и его команда раскопали какую-то фантастическую реликвию, наполовину замурованную в камень, и теперь целыми днями корпели над тем, чтобы аккуратно извлечь находку. Они предполагали, что разыскивали величайшую из загадок древнего Египта – Око Гора.

Сложность точного определения заключалась в том, что Око являлось чем-то вроде образа, символа. Одни древние манускрипты описывали его как атрибут одежды фараонов, другие утверждали, что фараоны носили многочисленные подделки, а настоящее Око боги так и не передали людям.

Каким образом можно отыскать предмет, который никогда не существовал? Этих тонкостей археологической жизни мне было не суждено понять. Здесь, в кабинете Робинса, я поселилась по другой причине.

Мы искали перевод. Точнее... пытались найти перевод. Целыми днями я сидела в углу кабинета профессора, пролистывая с десятков самых диковинных, таинственных и древних книг.

Новый подход к лечению моей «шизофрении» заключался в попытке перевести «голос подсознания». Робинс млад-

ший неплохо владел арабским, чуть хуже – фарси. Ввиду своей деятельности худо-бедно разбирался в египетской иероглифике.

Я ничего в этом не соображала и даже смутно не могла представить, откуда и куда следовало копать. Фразу не удалось перевести ни на один из языков. По моей транскрипции Робинс набросал, как эти слова выглядели на арабском. У нас было только это, да телефон с переводчиком, на который я снимала страницы книг, а затем воспроизводила их, пробуя расслышать знакомые мотивы.

– Ты сегодня рано, – заходя в кабинет, заметил Алекс. Спустя две недели в этой конуре я стала находить его общество приятным. Похоже, виной тому стало отчаяние или же кардинально изменившийся образ жизни.

Не так давно я не обращала внимания на скромных и порядочных мужчин, реализующих своё «я» в работе, а не в бесконечных скандалах и тусовках.

Алекс был спокойным и рассудительным. Он горел своей работой и ни разу за две недели не посмотрел на меня даже с лёгким намёком на неприличные мысли. О своей жизни в Америке всегда отзывался кратко: много работы, учёба, два школьных друга. То, в каких пропорциях мешать водку с соком, понятия не имел. Коротко уведомив меня, что не состоит в отношениях, свёл на нет попытку поговорить о личном.

Если бы мы начали встречаться, я могла бы спать спокой-

но и не переживать о том, где и с кем он находится. Казалось, Робинс в целом не знал о существовании ряда таких слов, как измены, алкоголь, наркотики и секс.

Хотя, с сексом я, конечно, погорячилась. Приятная наружность профессора подразумевала наличие хоть и не регулярной, но какой-никакой половой жизни.

Алекс уместился на шаткой табуретке с колёсиками напротив кресла, в котором я скрутилась, и протянул мне бумажный стаканчик с кофе.

Вся западная стена и дверь были выполнены из стекла, но даже несмотря на это, в его кабинете царил полумрак, и вид открывался лишь на мрачный слабоосвещённый павильон. Иногда, пробегая по своим делам мимо кабинета профессора, кто-то задерживал взгляд, отчего я постоянно чувствовала себя как на ладони. А к самому вечеру, вдобавок ко всему, становилось не только неловко, но и страшно.

Не только люди, но и запylённые статуи, не выставленные на экспозиции, безмолвно наблюдали за тем, чем мы здесь занимаемся. Порой я оставалась с Алексом в кабинете до трёх или четырёх часов утра, если он слишком увлекался работой. Профессор думал, что я умна и так же повёрнута на древностях. На самом деле я была трусихой, которая боялась темноты, статуй и главного смотрителя Лувра, невзлюбившего меня с самого первого появления здесь.

Не сказала бы, что его неприязнь не имела под собой веских оснований. В конце концов, мне нельзя было здесь на-

ходиться. Допуск в это крыло осуществлялся строго в соответствии с регламентом по специальным разрешениям.

Но профессор так загорелся идеей помочь, что уже через несколько дней раздобыл «особенный» пропуск, записав меня в ряды своих помощников. Кажется, я считалась специалистом в области древних рун.

– Премного благодарна, – кисло улыбнулась я, размазав клубничный джем по подбородку.

– Выглядишь расстроенной. – Нечто странное промелькнуло во взгляде профессора, когда он в очередной раз посмотрел на меня, но считать эту эмоцию снова не удалось, равно как и все предыдущие. Робинс оказался закрытым приверженцем старой школы, откровенно игнорируя мой лёгкий флирт. – Что-то случилось? Ты посещала моего отца?

Я кивнула.

– Не понимаю, почему вы до сих пор к нему ходите. – Алекс положил ладонь на шею и усмехнулся, а затем, предупреждая мой вопрос, добавил: – Да, Аника, я помню, что он мой отец, но ты совсем не его случай.

– Я хуже?

Он очаровательно закатил глаза, в успокаивающем и исключительно дружеском жесте переместив большую ладонь на моё колено.

– Ты не хуже. Ты ведь понимаешь, о чём я.

Несмотря на поразительную схожесть во внешности, Алекс и его отец были, наверное, самыми разными людьми

на свете. У не совсем состоявшегося старого психолога, который отказывался верить в возможное потустороннее вмешательство в мою жизнь, вырос вполне успешный сын. Именно благодаря своей работе о пантеоне египетских богов, в которых он верил, в Европе Робинс приобрёл небольшую, но славу.

В Америке к его доводам отнеслись скептически, но европейцам он полюбился и вскоре был приглашён в команду археологов от Лувра для проведения раскопок в Иране как этнограф и археолог по совместительству.

Будучи чутким и деликатным, Алекс не спешил настаивать на том, что причиной кошмаров стала какая-то сверхъестественная активность, но рьяно отрицал мои бесконечные попытки поставить себе медицинский диагноз.

– Но всё же, что так сильно тебя расстроило?

– Ты не поймёшь.

– Я? – спросил Алекс, с наигранным удивлением ткнув себя указательным пальцем в грудь.

– Ты, – хмыкнула я, слегка повеселев от его искренних попыток поднять мне настроение. – Твои же слова, что мнение социума должно быть последним, что меня заботит.

– Я заинтригован.

– А я подавлена и растоптана человеком, которому в приступе паники доверила то, чего не собиралась доверять.

Алекс приподнял вверх пышную бровь и шумно отхлебнул кофе из бумажного стаканчика.

– Я случайно рассказала одному знакомому о том, что вижу, а он на следующий день растрепал об этом всем моим бывшим друзьям, которые и без того насквозь пропитаны презрением и жалостью ко мне.

Несколько секунд Робинс держал кофе во рту, раздумывая над ответом, а потом шумно проглотил напиток и отставил стаканчик в сторону.

– Раз уж они и так пропитаны всем тем, что ты перечислила, есть ли смысл переживать о том, что они пропитаются ещё сильнее?

– Может, ты и хороший археолог, но психолог просто дерьмовый, – промычала я.

– Прости, – пробормотал он, как мне показалось вполне искренне и даже немного смущённо. – Давай вернёмся к тому, в чём я хорош. Что там с переводом? Никаких подвижек?

Толкнувшись обеими ногами и на ходу надевая очки, Робинс откатился к своему рабочему столу и устался на книги, которые я оставила там с пометкой «прочитано».

– «Формирование современного арабского на основе племенных диалектов» прочитала за час?

– Вообще-то за сорок минут и ещё минут двадцать пила чай, – в ответ на мягкую улыбку профессора, фыркнула я. – Ты бы ещё что попроще мне дал почитать, Робинс.

– Ну а со значением египетской иероглифики что не так? Тут всего страниц двести.

– Не нравятся мне твои иероглифы. Египтяне придумали

письменность исключительно для того, чтобы распространять сплетни о мифических богах. Вряд ли в этой беллетристике найдутся ответы на мои вопросы.

– Э-э-э...

В этот миг в кабинет влетела молодая, но совсем неприглядная на вид ассистентка Робинса. Модлен, кажется, так её звали.

– Профессор, нужна ваша помощь, – бросив на меня недовольный взгляд, заявила она. – Вы сильно заняты?

– Вообще-то...

Робинс собирался ответить «да», но мне удалось убедить его в том, что самостоятельно продолжу изучать все рекомендации. Так я вернулась к перелистыванию страниц в книге, периодически выходя на улицу, чтобы сделать перекур. Иногда случалось, что между сигаретой и нудным чтивом я случайно засыпала там, где сидела. Эти моменты были единственными, когда я действительно высыпалась.

Ночные кошмары стали... страшнее.

«Danny ahabí uabí» обрёл материальную форму в реальном мире и стал частью моей жизни. Пугал меня. Будил. Теперь я запиралась в спальне на ночь не только для того, чтобы не испугать маму, но и чтобы защититься от неё. Просевший бюджет не позволял расселиться, поэтому приходилось надеяться на удачу и благоприятный исход.

Когда смотритель музея позвал Робинса, я как раз добралась до французского издания с описанием утерянных со-

кровищ Египта.

Дверь в кабинет захлопнулась, и я осталась одна. Через стеклянные стены я наблюдала, как профессор недовольно о чём-то спорит со зрителем, а рядом с ним согласно кивает Модлен.

«Уаджет – древнеегипетский символ, левый соколиный глаз бога Гора, который был выбит в его схватке с Сетом. Правый глаз Гора символизировал Солнце, а левый глаз – Луну, его повреждением объясняли фазы Луны. Этот глаз, исцелённый богом Тотом, стал могущественным амулетом, который носили фараоны. Он олицетворял собой различные аспекты божественного миропорядка, от царской власти до плодородия».

Интересно, неужели древним египтянам было настолько сильно нечем заняться, что они придумали всё это? Символы, боги, империи, книги мёртвых. Останки великой империи, которую по частям то тут, то там находили современные археологи и бились головой о стену, лишь бы урвать хоть словечко из той эпохи. Эпохи лжи. Империи обмана, погребённой наукой.

В другом конце кабинета закрипел стул. Ножки противно заскрежетали, царапая деревянный паркет, но я не подняла голову, думая, что вернулся Робинс. Лишь когда звуки прекратились, а на скулах загуляло чужое горячее дыхание, я подняла голову и чуть не вывалилась из кресла.

Незнакомец с интересом изучал моё лицо, придвинув-

шись непозволительно близко. Пара ярко-зелёных глаз с анатомически неправильными зрачками кошачьей формы быстро бегала по моему лицу, пока тонкие губы изгибались в злобщем оскале.

– Привет, солнышко.

– Кто вы? – Я закашлялась, пришпиленная к креслу его магнетическим взглядом.

– Дориан, очень приятно познакомиться! – Он отстранился так же стремительно, как и подвинулся. Вскочил со стула и, не спрашивая разрешения, стал расхаживать по комнате, рассматривая её.

Он был невысоким, худощаво сложенным. С почти женственной, изящной грацией парень завёл обе руки за спину и, перекатившись с носка на пятку, с ехидной улыбочкой уставился на рабочий стол Робинса.

– Ты представишься или так и будешь сидеть с разинутым ртом, солнышко?

Я не сразу нашлась с ответом, до глубины души поражённая степенью его наглости. В поиске поддержки посмотрела туда, где Робинс стоял всего пару минут назад, но никого не нашла и поникла.

За это время Дориан склонился над столом и, пока я размышляла, ухватился за накидку, которой было накрыто Око. Прежде чем он успел сдёрнуть её, я собрала себя в кучу, вскочила из кресла и треснула Дориана книгой по руке.

– Не трогай, это не твоё.

Он обиженно зашипел, прижимая руку к груди.

– Невоспитанная.

– Это ты невоспитанный. Кто ты и что здесь делаешь? Кто тебя пустил?

Я принялась оттеснять его в сторону, думая о том, как Робинс будет мной гордиться, когда узнает душещипательную историю спасения Ока. Представляя как минимум длинную речь о своей неотразимости, я не заметила, как Дориан оказался за моей спиной. Ощущение, будившее меня в кошмарах, пронзило грудную клетку. Обычно я не испытывала трудностей, если кто-то дышал мне в затылок, но, судя по всему, не в этот раз.

Я хотела обернуться и угрожающе потребовать, чтобы он валил прочь, но вместо этого лишь слабо покачнулась. Странная, неестественная тяжесть со скоростью яда распространялась по телу. Пришлось ухватиться за край стола, чтобы устоять на ногах.

– Солнышко, тебе плохо?

В нос ударил резкий металлический запах, обострился слух. Голос парня зазвучал не снаружи, а внутри меня, но вместе с тем пропали все остальные звуки. Осталось лишь его громкое, опаляющее затылок дыхание и барабанная дробь пульсирующей в висках крови.

– Дориан! – Кто-то резко прекратил мои муки, впустив в душный кабинет свежий воздух. На пороге стоял мужчина. Знакомый. Недовольный. Тёмный. Как будто не из нашего

мира, судя по антикварным часам на цепочке, которые он сжимал в ладони. Следил за временем, даже ни разу на меня не взглянув.

Одетый в такой же странный костюм, как у парня за моей спиной, мужчина скрывал глаза за солнечными очками. Позади него стоял Робинс с бледным от волнения лицом. Гость был ниже его. Я вообще не встречала людей выше Робинса. Однако несмотря на промах с длиной ног, мужчина в чёрном, казалось, заполнял собой всю комнату. Его оскал и правда выглядел жутко.

– Уходим, Дориан, – сквозь зубы процедил незнакомец низким басом. Он явно был чем-то недоволен. Возможно, даже рассержен. Точно рассержен, поскольку Дориан внезапно притих и втянул голову в плечи.

Впрочем, смирение длилось недолго. Когда тот, имени которого я не знала, покинул кабинет, разговаривая по телефону, новый, но не особо желанный знакомый воспрял духом и провёл пальцами по моей спине.

– Увидимся в другой раз, солнышко. Мы теперь часто будем сюда приходить, – ухмыльнулся Дориан, напоследок ткнув длинным пальцем каменный слиток на столе. – Пока, глазик.

Как только дверь за ними закрылась, обеспокоенный и явно чем-то встревоженный Робинс подбежал ко мне и развернул к себе, осматривая на предмет повреждений.

– Чего он хотел?

– Ничего, – пожала я плечами, глядя вслед двум удаляющимся фигурам. Не могла отвести глаз, но пришлось, когда Алекс хорошенечко меня встряхнул, взболтав в крови страх и странное воодушевление.

– А к тебе он зачем приходил? – поинтересовалась я.

– Ждёт, когда я закончу с Оком. Хочет его купить и не может успокоиться, – с совершенно несвойственным для него отвращением выплюнул Робинс. – Грёбанный коллекционер. Ему вообще нельзя находиться в этом крыле, но, видимо, они неплохо кому-то заплатили. Плевать, всё равно не получит его.

– Почему?

– Это культурное достояние, а не игрушка в лапах богачей, – фыркнул Робинс, а я задумалась. Правда, о чём конкретно, уже и не вспомню.

V

Руки, сжатые в кулаки, молили о пощаде, но я не сдавалась, снова и снова обрушивая их мощь на шатающуюся вперёд-назад дверь. Среднестатистический человек со здоровой психикой ранним утром предпочитал плотный завтрак и неспешные сборы на работу, я же, проснувшись на следующий день раньше обычного, первым делом отправилась на поиски неприятностей.

Пожилая соседка Жерара, проживающая этажом выше, выскочила на лестничную площадку и пригрозила вызвать полицию, если я не перестану мешать ей смотреть «Секретные материалы».

– Жерар!

– Юная леди! Немедленно перестаньте!

Я так резко вскинула голову, что женщина попятилась обратно в квартиру.

– Вы случайно не знаете, где молодой человек, который здесь живёт?

– Не знаю и сейчас вызову полицию! – только и ответила она, громко хлопнув дверью.

Но угроза получить штраф за нарушение общественного порядка в восемь часов утра не пугала меня так сильно, как осознание, что слухи о моих проблемах с головой стали распространяться по всему городу, и виной тому был один не

умеющий держать язык за зубами человек.

Не зная, как дальше быть и что вообще делать со своей жизнью, я опустила на грязную ступеньку и положила голову на согнутые колени.

– Наивная, беспечная дура.

И в этом вряд ли стоило винить кого-то другого. Никто, разве что случайное стечение обстоятельств, не мог нести ответственность за то, что с самого рождения и вплоть до двадцати четырёх с хвостиком лет я прожила в золотой клетке с намертво приклеенными к глазам розовыми очками.

Я никогда не думала о последствиях, поскольку все, даже самые ужасные, быстро решались одним взмахом банковской карточки и шелестом купюр. Неудачный ракурс на фотографиях с парижской недели мод? Заплатим! Попалась в нетрезвом виде за рулём автомобиля? Заплатим! Кто-то проболтался, что я заплатила за то, что попалась за рулём в нетрезвом виде? Заплатим! Заплатим! Заплатим!

– Аника?

Я нервно подпрыгнула. Завела эту привычку несколько недель назад и всё никак не получалось от неё избавиться.

Жерар сонно зевнул, почесав голый живот. Кроме весьма откровенных ночных шортиков на нём не было ничего, но это его не смущало. Как и меня. Едва ли в мире осталось хоть что-то, что могло бы меня смутить.

– Жерар, какого чёрта? Я звонила тебе сотню раз. Почему ты не брал трубку?

– Я спал, а ты чего сидишь тут такая...

Злая. Я выглядела злой, раскрасневшейся и совершенно отчаявшейся, ещё минуту тому назад собираясь рыдать на грязной ступеньке в вонючем подъезде.

Быстро уловив угрозу, исходящую от женщины, которой уже просто нечего терять, Жерар сделал шаг назад в свою квартиру и, защищаясь, вытянул вперёд сразу две руки.

– Аника... я не понимаю, что случилось?

– Не понимаешь, что случилось? – Я ударила ладонью по стене всего в паре сантиметров от его лица. – Ничего такого, Жерар. Ничего, кроме того, что ты растрепал половине Парижа о временных трудностях с головой в моей семье.

– Половине Парижа? – Глаза Жерара округлились от удивления, но отступить он не перестал, продвигаясь вглубь квартиры. – Да я просто...

– Что? Что просто, Жерар?

– Просто встретил Монику, и мы немного поболтали...

Нагнувшись в сторону, я схватила первое, что попало под руку – зонт, и выставила его так, чтобы деревянный кончик уткнулся в часто вздымающуюся грудь парня.

– Ты сказал Моники, что у меня галлюцинации? Что моя мама хочет меня сожрать?

– Я просто сказал ей, что общался с тобой буквально несколько часов назад. Она поинтересовалась, как у тебя дела...

Мы уже почти дошли до комнаты Жерара, но дверь ока-

залась закрытой, и он упёрся спиной, пока кончик зонтика медленно продавливал в нём дыру.

– Я ведь просила тебя держать всё в секрете, Жерар!

– Да я ничего такого и не сказал! Я ничего не говорил про твою маму, просто сболтнул, что тебе сейчас не очень, и ты видишь странные сны, Аника, клянусь!

– Ты не представляешь, как сильно я мечтаю убить тебя...

Господи, я на полном серьёзе тыкала в него зонтиком. Отбросив несостоявшееся орудие убийства в сторону, я сделала несколько шагов назад.

– Честно, я не говорил ей о том, что ты болееешь.

Не говорил о том, что ты болееешь...

Давно забытое детское воспоминание удавкой стянуло шею, когда Жерар вдруг протрезвел и посмотрел на меня так, как я сама когда-то смотрела на Луизу. Новенькая в классе. Странная девочка, только-только потерявшая родителей. Сидела на задней парте и никогда не смеялась. Учителя предупредили нас, что после смерти родителей у Лу иногда случались панические атаки, но это не остановило весь класс, а только подстегнуло детский интерес. Психованная. Больная. Ненормальная. Мы смеялись над ней. Стояли кругом и тыкали пальцами, пока Луиза жалась в угол и кричала.

Я отмахнулась, сдерживая слёзы, когда Жерар протянул ко мне руку, словно успокаивал буйное животное, и, прижав в груди сумку, пулей вылетела из грязной квартиры. В попытке выбросить взгляд Жерара из своей головы, я потерпе-

ла неудачу и, когда дошла до метро, громко разрыдалась.

Ненормальной теперь была я, а не Луиза Ру. Та окончила университет, вышла замуж и удумала отомстить мне, запустив таргетированную рекламу своих курсов об успешном успехе.

Меня словно прибило к земле огромным камнем. Ноги одеревенели и не желали двигаться. В ушах звенело. Я оплакивала всё сразу: упущенные возможности, прогрессирующую шизофрению, недопитый последний бокал дорогого шампанского из того утра, в котором мне сообщили о том, что всё моё наследство опечатано, а к вечеру я должна выехать из квартиры в самом центре Парижа.

Люди проходили мимо и смотрели на меня, в их взгляде читалось «психованная».

Если карма действительно существовала, то сколько бы раз я не слала её к чёрту, она, гадина, меня всё же догнала!

Стоя с бутылкой бурбона у кабинета Алекса, я написала маме, чтобы не ждала к ужину, и громко, на весь коридор, высморкалась в салфетку.

Уже с порога я почувствовала, что Лилит в первом до-

ме⁴ не только у меня. Алекс в очень напряжённой позе сидел за рабочим столом и хмуро таращился в мобильник. Когда я плюхнулась рядом и со стуком опустила бутылку перед его носом, он приподнял голову и тут же вернулся к своим делам.

Прежде чем начать распинаться о своих проблемах, я вежливо поинтересовалась:

– Что-то случилось?

– Ничего.

Мои мечты о том, чтобы напиться, упёрлись в обстоятельства. Обстоятельства злобно что-то печатали, а потом развернулись и с раздражением уставились на то, как я пытаюсь открутить крышку.

– Что это?

Глядя на бутылку бурбона, я не сразу нашлась с ответом, поскольку понятия не имела, какие слова ожидал услышать Робинс при виде попсовой этикетки Jack Daniels.

– В Америке такое не пьют? – уточнила я.

– Ты собираешься напиться?

– Я планировала напиться вместе.

– Я не пью, – сухо отрезал Алекс и вернулся к своему телефону.

– Понятно. – Я так сильно закатила глаза, что удивилась,

---

⁴ Лилит в первом доме заставляет расплачиваться за совершённые в прошлой жизни преступления и насильственные действия, отдавая подопечного во власть пострадавших от его издевательств.

как они там не застряли. – Что случилось?

Сегодня Алекс был в чёрном худи, которое я носила как символ хренового дня. Он устало потёр переносицу, растрепал каштановые волосы и, поломавшись для вида всего минутку, протянул руку.

– Давай сюда своё пойло.

О таком не требовалось просить дважды. Пока я искала стаканы, Алекс запер дверь в кабинет и выключил лампу над рабочим столом. Накрыл то, от чего ожидали быть глазом Гора, полотенцем и с весьма печальным видом развалился на диване, на котором я обычно читала.

Я стряхнула прикрывавшие безобразный педикюр туфли и села рядом, коснувшись плечом его руки. Прищурившись, я подняла голову и стала изучать профиль немного грубого небритого лица. Алекс был привлекательным. Привлекательным камнем. Он как будто не догадывался, что нравится женщинам, и этим отталкивал ровно настолько же, насколько и притягивал.

«Здоровые отношения, обращаться сюда» – читалось у него на лбу, а чуть ниже, в ямочке под шеей – «Нет, Аника, тебе не сюда. Отвернись».

Мы были знакомы всего ничего и совсем друг друга не знали, но, обычно разговаривая про его работу и мои сны, быстро и как-то незаметно, естественно, сблизились. В дружеском плане. Я не сгорала от неконтролируемого желания подарить ему первый за последние полгода поцелуй, но од-

ним вечером, уже проваливаясь в сон, почему-то задумалась о том, какая пара могла бы из нас получиться.

Несмотря на дерьмовые обстоятельства, как и любой молодой девушке, мне определённо не хватало немного тепла и романтики. От того, насколько грустно и печально осознавать собственную непривлекательность в последнее время, я поморщилась и сделала первый глоток дешёвого бурбона.

– У меня есть ребёнок, – внезапно выпалил Алекс, залпом осушая свой стакан.

– Ребёнок? – Поперхнувшись, я уронила несколько капель себе на джинсы.

– Мне тридцать, не надо так удивляться.

– Я не удивилась, – соврала я. – Просто за две недели ты впервые об этом упомянул.

– О таком принято говорить с самого начала?

Не ответив ему, я силой протолкнула бурбон в горло и почему-то подумала о сорокалетнем Макаллане, бутылка которого когда-то в начале двухтысячных досталась папе за весьма неприличную сумму.

– Кас. Ему пять, – с теплотой в голосе прошептал Алекс, протягивая телефон экраном вверх.

Я недолго рассматривала мальчишку на руках у худосочной дамочки. Ради благосклонности Робинса выделила их сходство и как можно скорее вернула мобильный.

– В чём проблема?

– Я не видел Каса почти полгода. Купил ему и его матери

билет из Нью-Йорка до Парижа. Оплатил отель. Целый месяц готовился к их визиту, но сегодня утром она позвонила и сказала, что они не приедут. Поменялись планы.

– Вы женаты?

Уставившись в пустоту усталым, поникшим взглядом, Робинс сделал глоток и пробормотал:

– Развелись три года назад.

– Почему?

Он повернул голову в мою сторону и слабо, словно сожалея о том, что всё так получилось, улыбнулся.

– Я не всегда хорошо умею демонстрировать свои чувства. И много работаю.

– И ты жалеешь об этом до сих пор? О том, что вовремя не продемонстрировал, как сильно любишь её?

Я спросила вовсе не потому, что строила планы на профессора. Просто в этот самый момент остро нуждалась в том, чтобы услышать, что не одна горько сожалею о многих поступках и решениях в прошлом.

– В первый год. – Алекс задумался, откинув голову на спинку дивана. – В первый год жалел, но скорее не наши отношения, а самого себя, оставленного в пустой квартире.

– Грубо, но честно, – ответила я, а потом обняла бутылку и повторила позу профессора, запрокинув голову.

Вверху не нашлось ничего интересного: из обычного бетонного потолка торчали ржавые трубы, сползавшие по восточной стене. Со стороны западной стены приближалась

тьма. Рабочий день сотрудников закончился и они, выключив свет, разошлись по домам, где их ждали дети, жёны или не понаслышке знакомая мне пустота.

– Я честно хотел карьеру и семью, но теперь не уверен, что такое «честно» устраивает женщин.

– О, профессор, не думала, что вы из тех, кто любит говорить о женщинах в общем. А как же индивидуальный подход?

– Да-да, ты права, – тут же затараторил он, нервно поправляя очки. – Прости. Заговорился...

– Расслабься, шучу, – с бурбоном во рту промычала я.

– А, – растерянно замотал головой Алекс. – Я имел в виду, что моей жене не нравилось то, как честно и открыто я заявлял о роли карьеры в своей жизни. Мне следовало чаще врать. Говорить, что она – мой единственный и главный приоритет.

– Главное не частота, а качество вранья, профессор.

За это мы чокнулись.

– Ну а ты почему одна?

– Не знаю, – соврала я, не ожидая от Робинса интереса к своей личной жизни.

– Можем закрыть эту тему, если не хочешь...

Развернувшись, я передала ему бутылку. Пока Алекс пил, морщась от крепости алкоголя, я закурила прямо в кабинете, уверовав в то, что едва ли во всём Париже имеется хоть одна исправная пожарная сигнализация.

– Вообще-то меня тянет на мудаков. Твой отец говорил, что это детская травма. Мой папаша проявлял холодность, предпочитая откупаться деньгами. Я выросла и подсознательно подыскиваю себе равнодушных, закрытых партнёров.

За это тоже выпили. Молча. И каждый молчал о своём следующие пять глотков.

На минус третьем этаже остались лишь мы и безмолвные, неживые статуи. От стойкого ощущения, будто они за нами наблюдают, я избавилась лишь, когда бурбона почти не осталось, а Робинс заметно захмелел.

Алкоголь закончился, разговоры стали более раскрепощёнными и откровенными, а мы нашли в столе Модлен подарочную бутылку вина. Пообещав восполнить потери, Робинс пальцем протолкнул пробку внутрь и уселся прямо там, где стоял, – на полу у стола.

– Как можно продолжать не верить во что-то большее, когда видишь то, что наука не способна объяснить? – спросил он, обратив на меня уже заметно помутневший взор.

– Ты археолог или пастырь, Робинс? – Я нетрезво икнула.

– Я реалист, Ришар. Видел достаточно, чтобы принять, что за пределами доступного нашему сознанию есть нечто большее.

– Нечто большее это кто? Или что?

– Энергия.

– Энергия? Ты сейчас рассуждаешь прямо как моя мама. И это не комплимент, Алекс.

На полу имелось много свободного места, но... виной тому алкоголь или просто желание ощутить тепло друг друга, в какой-то момент я уловила дыхание Робинса на своей коже. Он стал чаще опускать голову, изучать меня и вместе с тем подвигаться ближе.

Мы рассуждали о богах и религии, когда я впервые что-то почувствовала. Нечто непривычное для нашей с ним компании. Какое-то напряжение, желание и...

– Представляю, как отреагировал твой отец, когда ты сообщил ему о своей нетрадиционной религиозной ориентации, – пробормотала я и сглотнула, перехватив и без того пристальный взгляд профессора.

– Моя ориентация вполне традиционная, – свернув не на ту тему, с вызовом заявил собеседник. – Этому факту есть множество подтверждений.

– Э... – Я не успела договорить, мгновенно забыв, что вообще собиралась сказать. Большой палец Алекса коснулся уголков моих губ. Нахмутив брови, словно решал какую-то сложную задачу, он сипло прошептал:

– Ты испачкалась, вот тут.

Аромат пыли и чёрного перца окутал меня, а вслед за ним горячее дыхание опалило скулы. Клянусь, когда я подняла глаза, во взгляде Алекса плескалась похоть. Почти прозрачные радужки потемнели, а челюсть напряглась.

Я ждала, и сердце моё билось так быстро, что мышцы слабели с каждой секундой. Руки и ноги начали слегка дрожать.

В последние месяцы у меня не было времени, чтобы подумывать о себе как о женщине. Канитель с кошмарами слишком затянулась, отодвинув прелести жизни обычной половозрелой женщины на второй план.

Однако я всё ещё оставалась обычной. Наполовину. По крайней мере нижней частью туловища.

Робинс улыбнулся, считав мою непонятно откуда взявшуюся неуверенность. Наклонил голову, и я ощутила на губах тепло его дыхания. По спине пробежал трепет предвкушения, и тут же меня охватили сомнения. Вряд ли у нас вышло бы что-то серьёзное. Но прежде чем я успела развить эту тему, его губы накрыли мои.

Ничего сладкого и мягкого, не таким я представляла его поцелуй. Он оказался жёстким, ошеломляющим и требовательным. Когда я резко втянула воздух, Алекс воспользовался этим и углубил поцелуй. Его язык прикоснулся к моему, а рука вцепилась в мою шею и потянула на себя.

Я не ожидала, что поцелуй вызовет во мне какие-то особенные чувства. Как-никак, нам давно было не по шестнадцать. Страсти хватило ровно для того, чтобы я успела возбуждаться, но, похоже, мыслями каждый из нас всё равно витал где-то в другом месте.

Впрочем, взрослые иногда нуждались в занятии сексом. Для здоровья: физического и ментального. Ко всему прочему Робинс казался идеальным кандидатом на роль мужчины, после секса с которым не будешь жалеть об этом всю остав-

шуюся жизнь.

Упав на него сверху, я ощутила под собой крепкий стояк. Робинс улыбнулся мне в губы и тут же неловко дёрнулся, когда я случайно ударила его коленом. Раздался глухой удар его головы о ножку стола. Он слегка поморщился, попытался приподняться на локтях, а потом что-то снова загромыхало, и Алекс замер.

Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза, а потом он перестал двигаться и завалился на бок. Я перевела изумлённый взгляд на то, что лежало рядом с ним, и тоже замерла, правда, по собственной воле.

На светлом песчанике, из-под которого уже наполовину проглядывалось нечто чёрное, то, что считали Уаджетом, осталось несколько капель крови.

– Чёрт... чёрт... Алекс? Робинс?!

Запаниковав, я дрожащей рукой попробовала нащупать у него пульс, но ничего не почувствовала. Он не дышал, не двигался, а на виске выступила кровь. Всего какая-то несчастная пара красных капель...

Логически и интуитивно я понимала, что это невозможно, но крик ужаса уже вырвался наружу, эхом отскочив от стен полупустого кабинета. Мои руки были в крови, пол был в крови, тело Александра Робинса было в крови.

Она всё текла и текла, но не из виска, по которому пришёлся удар, а из его груди. Не желая, но не в силах справиться с вынуждающей это сделать силой, я склонилась над те-

лом профессора. Между рёбер зияла пустота, но в ушах по-прежнему звенел его сердечный ритм.

Спотыкаясь и падая на скользком от крови полу, с дикими, остекленевшими от ужаса глазами, я выбежала в зал. Ноги и руки отказывались слушаться. Что-то тянуло меня обратно.

Я замерла посреди пустой экспозиции, прислушиваясь к голосам в своей голове. Сердце Алекса больше не билось. Слабый набат сменился скрежетом металла.

– Это всё неправда.

Металлические тиски, грозящие раздавить моё сердце, стали давить ещё сильнее. Хруст костей Робинса звенел в голове, и гул этот нарастал. Он звал меня, манил обратно в кабинет. Требовал, чтобы я увидела всё воочию, или мне так казалось. Я уже ни в чём не могла быть уверенной.

Губы шевелились. Я двигала ими, но не издавала ни звука. Эта странность поразила моё сознание. Я больше не ощущала своё тело, оно стало мне неподвластным.

Из носа фонтаном брызнула тёплая кровь. Перед глазами постепенно темнело. Облокотившись на одну из статуй, я медленно начала сползать вниз, словно в бреду раз за разом повторяя одну и ту же фразу:

– Danny ahabì yabì.

Сердце остановилось. Я прижала дрожащие руки к груди, издав истошный, полный отчаяния вопль. Образовавшаяся в ногах тяжесть поднималась всё выше. Из последних сил

я подтянулась на руках и уцепилась за каменную голову какого-то римского полководца.

Господи, я не хотела умирать. Я собиралась бороться за свою жизнь, но вместе с тем, как тяжелели конечности, по телу распространялось странное умиротворение. Смолкли все голоса. Осталось лишь моё учащённое дыхание.

– Солнышко!

От того, как резко кто-то тронул меня за плечо, я подпрыгнула на месте, развернулась и зачем-то выбросила вперёд сжатый, слегка подрагивающий кулак.

Опешивший парень прижал руки к носу, а я воззрилась на него и часто заморгала.

– Дориан? – Мой голос надломился.

– Солнышко, ты разбила мне нос! – пожаловался он, но кошачьи глаза смотрели без злобы. Да и не разбила я ничего, лишь слегка мазнув по щеке.

Почему-то принявшись разглядывать меня с самого низа, вскоре парень добрался до моего лица и нарочито громко воскликнул:

– У тебя кровь из носа.

Я потёрла кожу над верхней губой, размазывая кровь по всему лицу. Кажется, она не переставала идти, но я волновалась об этом не дольше секунды, вспомнив про профессора.

– О, чёрт, чёрт... нужно вызвать скорую! Камень упал Алексу на голову...

– Камень? – удивлённо переспросил Дориан, параллельно

набирая номер скорой.

Набравшись смелости, я повернула голову в сторону кабинета, который ещё несколько секунд назад видела затопленным кровью. Конечно, это было всего лишь очередное видение, и у меня больше не оставалось причин бояться возвращения к Алексу.

– Я как раз шёл поговорить с ним о камушке, – раздосадовано вздохнул Дориан.

Я припомнила слова Робинса о том, что он и его мутный молчаливый начальник – какие-то фанатичные коллекционеры. Но все равно сдвинуться с места не получилось. Подрагивающие ноги словно вросли в пол и отказывались нести меня на помощь профессору.

– Забирайте этот чёртов камень, от него одни неприятности.

Положив телефон в карман, Дориан снова на меня уставился, особое внимание уделив скрещенным на груди рукам. Я стала нервно растирать кожу на шее, не сразу осознав, что чего-то не хватает.

Спустя пять минут в зал временной экспозиции хлынул народ. Явилась охрана, а за ней скорая. Бледного как труп Алекса увезли на каталке, но заверили меня в том, что он жив.

– Какого чёрта здесь произошло? – взревел Николос, главный смотритель этажа. Он приехал спустя десять минут после того, как забрали профессора.

– Это случайность, – сглотнув, пробормотала я. – Monsieur Робинс споткнулся, упал... а...

Я по-прежнему переступала с ноги на ногу, скрещенными руками прикрывая почти полностью оголённую грудь. Это не ускользнуло от взгляда Николоса. Вредный старик вырвал из моих рук сумочку, достал из неё пропуск и пообещал вызвать полицию, если я ещё раз хоть на сто метров приближусь к Лувру.

Здание музея я покинула в накинутаой на плечи куртке Дориана. Хоть это и немного облагородило мой внешний вид, охрана всё равно провожала нас прищуренными взглядами, словно мы какие-нибудь преступники. Однако я не чувствовала себя преступницей. Скорее жертвой, и кровь под носом, которую всё никак не удавалось оттереть рукавом обслюнявленной куртки, была тому подтверждением.

Несмотря на то, что часы показывали уже прилично за полночь, а Лувр давно закрыли, на шумном проспекте нас встретила толпа народа. Я плюхнулась на бордюр и с ненавистью, даже злостью, уставилась на компанию молодых людей, разговаривавших на испанском.

Иногда я жалела о том, что родилась в Париже. Этот город по праву считался одним из самых невероятных, неописуемо красивых в мире, созданных специально для того, чтобы прогуливаться вдоль Сены приятным весенним вечером, чтобы под звуки уличного джаза наслаждаться пряностью улиток и шампанским в ресторанчике с видом на мерца-

ющую Эйфелеву башню. Только вот для меня этот город был домом. Он хранил воспоминания о хороших и плохих днях. Он вырастил меня, пленил своей красотой, подарил всё, о чём я могла только мечтать, а потом разрушил до самого основания.

Я ненавидела Париж.

– Может, выпьем? – всё это время деликатно выжидая, пока я наревусь, предложил Дориан.

Под светом уличного фонаря зрачки его глаз оставались аномально узкими, но, как только он сел рядом и тени скрыли его лицо, зрачок принял нормальную форму. Мне стоило взять себя в руки и уже сейчас ехать в больницу, в которую повезли Александра. Мне вообще много когда в жизни следовало поступить обратным образом от того, как в итоге я действительно поступала.

VI

Я расслабилась на кожаном сидении дорогой иномарки. Провела кончиками пальцев по кремовой обивке, чуть не напоровшись на локоть Дориана, лежавший на подлокотнике, но быстро спрятала руку и отвернулась к окну.

Хорошие идеи редко посещали мою голову, и решение согласиться на ужин с этим странным типом в сложившейся ситуации не стало исключением. Своего рода негласное правило всех хороших идей – обходить меня стороной. Иногда мне удавалось анализировать ситуацию в процессе, но уж точно никак не «до». «До» в арсенале имелись лишь слабо функционирующие от навалившихся событий мозги.

Дориан не походил на делового человека, способного позволить себе водителя за рулём майбаха. Кудрявый, в драных чёрных джинсах и растянутой футболке с биркой дорогого французского бренда, он скорее напоминал такого же избалованного, как и я, мальчишку.

Но дело было не только в одежде. Он сам, с ног до головы, казался статистически неправильным. Последние две недели я наблюдала за тем, как он приходил к Алексу в весьма сомнительной компании. Пока мужчина, без особого труда игнорировавший моё постоянное присутствие в кабинете профессора, общался с Робинсом, Дориан и такая же странная молодая девушка, словно змеи скользили вдоль египетского

барахла. Мне так и не удалось разгадать причину, по которой бюст Исида раз за разом вызывал у них особенно бурную вспышку эмоций.

И именно поэтому мне не стоило садиться к нему в машину, но я уже села и пути назад не осталось.

– Ты себя точно хорошо чувствуешь? – постукивая длинными пальцами по подлокотнику, поинтересовался Дориан.

– Не знаю. В последнее время у меня вот тут, – я прокрутила пальцем у своего виска, – серьёзные проблемы.

– Ты была сильно напугана, скорее даже в ужасе.

Мы уставились друг на друга одновременно, словно соревновались в конкурсе «кто кого быстрее раскусит». Взгляд Дориана не опускался ниже линии моих глаз. Он смотрел пристально, филигранно избегая открытое декольте и распухшие от активного покусывания губы.

– Потому что я была в ужасе.

– Простой обморок редко у кого вызывает подобную реакцию.

В этом он, конечно, был прав. Скорее всего, если бы удалось избежать того, что мне мерещилось после, я бы просто вызвала скорую и вплоть до её приезда оставалась с Алексом. Да, я испытывала бы легкий стыд, но вряд ли из моего носа хлынула бы кровь, а тело парализовало ужасом.

– Я просто очень впечатлительная, – почти и не соврав, ответила я.

Дориан не поверил. Это я поняла по тому, как он закатил

глаза.

– А когда кто-то приближается к тебе со спины, ты всегда бьёшь их кулаком в нос?

– Всегда, поэтому больше так ко мне не лезь.

Машина остановилась у самого входа в L'Avenue. Перед глазами тут же встала лишённая всякой надежды на счастливый финал картина: я и он. Я в нём. В одном из самых знаменитых ресторанов Парижа в чужой куртке, с ободранными коленями и запёкшейся под ногтями кровью.

Дориан открыл дверь и протянул ладонь.

– Ты надо мной издеваешься? Я не пойду туда в таком виде. – Я скрестила руки на груди и показательно отвернулась.

– Ты прекрасно выглядишь, солнышко. Парижский шик в его лучшем проявлении, – улыбнулся он, скорее всего, действительно надо мной издеваясь. Дорогой ресторан был самым последним местом на земле, в котором мне хотелось или следовало оказаться после случившегося.

Я всего лишь нуждалась в том, чтобы пропустить пару коктейлей в баре, напиться, поплакать, уснуть, а на следующее утро поехать в больницу к Алексу.

Порыв прохладного ветра пробрался в салон машины через приоткрытую дверь. В центре Париж пах совсем не так, как в Обервилье. Здесь, сливаясь со звоном бокалов и громким смехом, витал запах изысканной французской кухни, табака и весеннего цветения.

Эта симфония звуков и запахов сводила с ума, манила

сотни тысяч туристов из самых дальних уголков планеты. Каждый мечтал хоть раз в жизни почувствовать это – почувствовать Париж.

Я мечтала лишь о том, чтобы как можно скорее отсюда сбежать. Мне было невыносимо смотреть на эту жизнь, словно всё, что происходило здесь и сейчас, превратилось в какие-то извращённые поминки по моему прошлому.

Но вот моя кисть легла на согнутый локоть Дориана, вот я засмотрелась на женщин в элегантных нарядах, и вот уже оказалась внутри ресторана.

Тяжёлый интерьер укутал нас в свои объятия: круглые столы, сервированные дорогой посудой на белых скатертях, хихикающие в салфетку женщины, и мужчины в дорогих костюмах, травящие, почему-то уверена, что несмешные шутки.

Я узнала официанток, с широкими улыбками идущих нам навстречу. Они меня, к несчастью, тоже.

– Monsieur Дориан, madame Ришар. – Девушка, имени которой я не знала и знать, впрочем, никогда не хотела, мельком оценила мой наряд. Её глаза округлились от изумления, но она быстро взяла себя в руки и натянула на лицо вежливую улыбку.

– Вы будете отдыхать за столиком monsieur Эттвуда? – спросила другая официантка, у которой не рассматривать меня получалось чуть хуже.

От моего внешнего вида становилось неловко всем, и лю-

бому другому человеку в столь экстравагантном наряде скорее всего отказали бы в обслуживании, но какой-то monsieur Эттвуд, за столик которого нас уже вели, видимо, считался важной персоной в местных кругах.

– Кто такой monsieur Эттвуд? – прошептала я.

Уголок губ Дориана дрогнул в усмешке, но он так ничего и не ответил, потому что меня отвлекла одна из официанток.

– Прошу прощения madame, я просто хотела вас предупредить, – быстро затараторила она, когда я остановилась, отставая от Дориана на три ступеньки. Пахло так изумительно, что пришлось потрясти головой и сглотнуть слюну. – Там ваш бывший жених.

До меня не сразу дошел смысл её слов. Наверное, потому что я слишком увлеклась видом из окна, а может, виной тому стала бутылка дорогого вина на столе.

Откинувшись на спинку кресла, с нескрываемым удивлением в глазах, Патрик смотрел на меня с соседнего столика. Я едва не промахнулась мимо стула, который мне отодвинул Дориан. На онемевших ногах упала на него и зарылась в собственные волосы, спиной ощущая пристальный взгляд.

– Дерьмо.

Дориан посмотрел мне за спину и недобро улыбнулся. Всё было понятно и без слов. Я ударила его ногой под столом, но парень не дёрнулся, пока Патрик первым не отвёл глаза.

– Всё, больше не смотрит.

– Бывший, – комкая тканевую салфетку в руках, поясни-

ла я. – Изменил мне за пару дней до свадьбы.

– Сломать ему шею? – вдруг совершенно серьёзно предложил Дориан.

– Что?! Нет, не стоит. – Я нервно сглотнула. – Но можешь ему врезать.

Он начал подниматься, но я вовремя спохватилась, схватив его за руку. Ладонь тут же обдало исходящим от его кожи жаром.

– Я пошутила.

Отчасти, конечно. Окажись Дориан чуточку быстрее, не успею я схватить его за руку... приятно бы мне было наблюдать за тем, как кто-то ломает Патрику нос? Бесспорно.

– Уверена?

Я активно закивала, потянув Дориана за руку. Зрачки сузились в маленькие вертикальные линии, когда он перевёл взгляд на стоявшую между нами свечу.

– У тебя какая-то болезнь? – выпалила я. – Твои глаза...

– Синдром Шмида-Фраккаро, – быстро, безэмоционально, словно отмахивался от назойливой мухи, ответил парень. Впрочем, я бы не удивилась, узнав, что буквально каждый, кто смотрел его в глаза, задавал один и тот же вопрос. Я потянулась к телефону, чтобы проверить в интернете, но Дориан поспешил пояснить сам, интонацией дав понять, что хочет закрыть эту тему как можно быстрее: – Это редкая врождённая геномная патология, вызванная присутствием в кариотипе человека маленькой дополнительной хромосомы, состо-

ящей из материала двадцать второй хромосомы. Одной из клинических манифестаций этого синдрома является вертикальная колобома глаза.

Официантка подросла как раз тогда, когда я открыла рот, намереваясь узнать, о том, как вообще живётся людям с дополнительной хромосомой. И пусть спрашивать такое казалось крайне бестактным, но я подумала об этом уже после того, как попросила ризотто с дополнительной порцией трюфельного масла.

Пока Дориан делал заказ, я, преодолев стыд и страх, написала доктору Робинсу. Он тут же ответил, что с Алексом всё в пределах нормы после небольшого сотрясения мозга, и скоро он придёт в чувство. В отличие от моей матери, Чарли Робинс кое-что понимал о степени неловкости в подобных ситуациях и не стал подробно расспрашивать о случившемся. Достаточно и того, что из кабинета Александра выносили с расстёгнутой ширинкой и отпечатком моей помады на шее.

Оставив десять сообщений Жерара без внимания, я спрятала телефон в карман и подняла голову, а потом, против воли собственного разума, развернулась на тридцать градусов в сторону источника до боли знакомого смеха.

К счастью, Патрик был слишком увлечён своей компанией, чтобы почувствовать мой взгляд, прикованный к его красивому профилю. Рядом с ним сидела симпатичная фанатка пластической хирургии и, громко хихикая, старалась при-

жаться к нему поближе.

Мы расстались ещё до того, как мой отец... застрелился. Выяснилось, что помимо мании величия Патрик страдал крайней степенью любвеобильности. Он изменял мне с самого первого дня наших отношений и ничуть не сомневался, что в этом «нет ничего такого».

– Мы ведь собираемся пожениться и быть вместе до самой смерти, – кричал он, пока я вытряхивала его шмотки из шкафа и швыряла их на пол. В пылу ссоры я совсем забыла о том, что нахожусь в его квартире, в которой даже не живу. Мне просто требовалось выпустить пар.

Патрик тоже забыл, что его выселяют из собственного жилища, и активно мне подыгрывал, собирая вещи по полу. Добравшись до обуви, я принялась швырять её в открытое окно.

– Ты ведь не думала, что я буду спать только с тобой?

– Думала! – взвизгнула я, попав ботинком прямо ему в лоб.

От нахлынувших воспоминаний захотелось кому-нибудь что-нибудь сломать. Я сжала кулак, в котором держала вилку, и наверное позеленела, потому что нога Дориана намеренно задела моё колено под столом.

– Прости, – растирая лицо ладонями, прошептала я. – Господи, сегодня худший день в моей жизни.

– Я тоже расстроился из-за профессора. Как так вышло? –
Прежняя хитрая улыбка вернулась на лицо напротив.

– Эм, – вот и всё, что я смогла из себя выдать.

– Он упал? – подсказал Дориан.

– Угу, упал, – промычала я, запивая ложь красным полусухим.

– Я так и подумал, – подмигнул собеседник, настроение которого говорило об обратном. – Шёл, шёл и упал. На ровном или неровном месте?

В горле запершило от мысли о том, что рано или поздно Робинс всё же придёт в себя и вспомнит, что привело его на больничную койку. Похоже, наш неудавшийся роман можно было считать завершённым.

– Солнышко, косоглазая девочка пошла куда глаза глядят и разорвалась.

Я поперхнулась вином, не заметив, как засмотрелась на жующий рот сидевшего через три стола Патрика.

– Прости, что?

– Только не веди себя так в участке, иначе подумают, будто это ты приложила профессора.

– Не вести себя как?

– Подозрительно. Упал и упал. – Дориан пожал плечами, как бы заканчивая с этим разговором, но вскоре не удержался и с издёвкой уточнил: – Точно не ты?

Я нахмурилась.

– Не я.

– А я уже подумал, что ты решила убить профессора, забрать Око и подороже толкнуть его на чёрном рынке.

– Это ты сейчас озвучил свой план, да?

– Всё может быть, Аника Ришар, – очень двусмысленно отозвался он.

На трезвую голову разговор как-то не задался. Некоторое время мы просто ели и пили, лишь периодически поднимая взгляд. Нам нечего было делить, да и знакомы мы были всего ничего, но я почему-то ощущала странный дух соперничества.

Наша первая встреча, как и впечатление друг о друге, не сложились, и это в очередной раз заставило меня усомниться в собственной интеллектуальной состоятельности.

Зачем я вообще согласилась на ужин с этим странным типом?

Размышляя об этом, я не заметила, как утилизировала три бокала вина и немного расслабилась. Суммарно за последние несколько часов я выпила столько алкоголя, что... наверное, стоило остановиться, но с каждым глотком на место плохих мыслей приходили хорошие.

Спустя ещё какое-то время я окончательно успокоилась и сама начала разговор.

– Так кто такой этот monsieur Эттвуд, и почему мы сидим за его столиком?

Стоило признаться, что ел и пил Дориан с куда большей грацией и изяществом, чем это делала я. Он ответил лишь тогда, когда дожевал кусок мяса и промокнул уголки губ белой тканевой салфеткой.

– Габриэль Эттвуд мой начальник.

– Этот тот хмурый мужик, который вечно отводит Робинса на разговор?

Дориан откинулся на спинку стула, заложив руки за голову.

– Да, тот самый хмурый мужик. Ему понравится, как ты его назвала.

Я вспомнила ощущение его взгляда на своём лице. После эпиляции и поездки на общественном транспорте это стало третьим из самых неприятных чувств в мире.

– А девушка?

– Вивиан, моя сестра.

– Она тоже работает на monsieur Эттвуда?

Официантка поставила на стол ещё одну бутылку вина и поспешно удалилась. Я посмотрела на знакомое название на этикетке, хорошо зная стоимость этого сорта. Тысяча девятьсот девяносто восьмой год стал одним из лучших в истории бордосских красных вин, а стоимость за одну бутылку с выдержкой более пятнадцати лет достигала просто неприличных сумм.

– Да. Но мы не работаем на него, – поправил Дориан. – Мы работаем вместе с ним.

– Вы собираете какую-то коллекцию? Алекс упоминал, что вы коллекционеры.

– Мы коллекторы, – ухмыльнулся Дориан. – У Габриэля имеется начальство, на которое мы работаем вот уже много

лет.

– Много лет? На вид тебе не больше двадцати.

Парень едва заметно повёл бровью.

– Мне двадцать семь, солнышко.

Я пообещала себе накричать на него за то, что называл меня «солнышком». Вот только доем восхитительно вкусное ризотто с трюфелями. Еда таяла на языке, а бедные вкусовые сосочки, убитые плохим питанием, танцевали победную румбу.

Впрочем, я рано радовалась. Выходя утром из дома, я застукала маму за приготовлением очередной кулинарной катастрофы, которую, хотела я или нет, придётся утилизировать завтра или послезавтра. Зависело от того, насколько живуч тот франкенштейн, что в народе именовался луковым супом.

– Что твой профессор говорил об Оке? Скоро он его закончит?

– Понятия не имею, он пилит его уже вторую неделю. А ты с какой целью интересуешься?

– С очевидной, – подмигнул собеседник.

– Вот для чего ты позвал меня на ужин? Хочешь выпытать конфиденциальную информацию? – Впрочем, я была не против обменять всё, что знала, на ещё один бокал вина и порцию изумительно пряных улиток.

– Не только. Ещё я собирался подкупить тебя, чтобы ты повлияла на его решение продать экспонат нашему коллек-

ционеру.

– И что ты можешь предложить? – подняв голову, с набитым ртом промычала я.

Дориан дёрнул уголком губ и опасно прищурился.

– Как насчёт того, чтобы продолжить вечер в другом месте? Я знаю один неплохой бар недалеко отсюда.

– Думаешь, фто меня мофно купить рюмкой текилы?

Качнувшись на стуле, Дориан приблизился ко мне.

– Как насчёт хорошего джина с тоником?

Когда он встал из-за стола и протянул руку, приглашая меня продолжить вечер в более непринуждённой обстановке, я не смогла не обернуться. Патрик вытирал рот салфеткой, провожая нас взглядом. По лицу было трудно понять, какие эмоции он испытывал, но когда я напоследок выставила средний палец, сомнений не осталось. Он конкретно обалдел и не старался это скрыть.

Не помню, что думала о себе и своей жизни, оказавшись в шумном баре с очередным потрясающим видом на город.

Когда мы зашли туда, все вип-ложи были заняты. Сперва я подумала, что остаток ночи придётся простоять у барной стойки, но Дориан быстро урегулировал вопрос, и мы оказались на втором этаже, вход куда открывался не меньше, чем

за две тысячи евро.

Здесь, в отличие от ресторана, мой помятый, несуразный внешний вид пришёлся к месту. Как минимум две девушки на танцполе специально оголили верх, чем привлекли к себе дополнительное внимание.

Сняв кожаную куртку Дориана, я осталась в одном лифчике, который больше напоминал топик.

– Мне следует переосмыслить свои жизненные ценности и податься к твоему начальству с резюме, – проворчала я, когда мы сели за столик. – Сколько он тебе платит?

– Мои услуги бесценны.

Я закатала глаза, вцепившись в барное меню. Всё. До последней рюмки.

Примерно после второй стопки текилы между мной и Дорианом пока ещё тонкой нитью протянулась едва заметная, быть может, даже дружеская связь. Когда мы начали танцевать, снисходительно наблюдая за всеми, кто толкался внизу на танцполе и страдал от безденежья, он по-прежнему не входил в круг моих сексуальных интересов. В этом ощущалось нечто иное. Как будто встретились сварливые старые знакомые.

Мы больше не вспоминали о Робинсе. Не помню, о чём конкретно мы вообще говорили, но мой рот не затыкался ни на минуту. Вряд ли мне удалось не сболтнуть лишнего, но вроде бы мы обсуждали политику. И религию. И историю. С благодушной физиономией Дориан слушал мои бред-

ни, порождая во мне уверенность в каждом сказанном слове. Я вещала с видом профессора кафедры политических наук, пока он с интересом разглядывал моё лицо.

На дизайнерском столике из монолитного камня стояли десятки пустых бокалов и стаканов. В моих пальцах тлела сигарета, а по лицу фривольно гулял красный неон. Дориан отодвинул локон моих волос и с упоением втянул аромат кожи за ухом.

Не планируя с ним ничего такого, я резко дёрнулась, но он отстранился и просто резюмировал:

– Ты очень вкусно пахнешь.

Во всём, что он говорил, не слышалось подтекста, да и контекста в целом тоже. Просто Дориан был поразительно прямолинеен и немного чересчур тактилен в своих попытках потрогать меня, изучить, как ребёнок, только-только начинающий постигать мир при помощи рук.

– И они ведутся?

– Кто? – удивился напарник по пьянству.

– Девушки, которых ты пытаешься соблазнить.

– А я пытаюсь тебя соблазнить? – спросил он, через трубочку втянув в себя полстакана коктейля.

– Разве это называется как-то иначе? – Я указала подбородком на его руку, которая лежала на моём колене.

– Солнышко, если ты хочешь соблазниться, я всегда готов для тебя, а ещё для них. – Он обвёл взглядом танцпол. – Я люблю абсолютно всех и всегда открыт для предложений.

– Нет, на сегодня любви достаточно. До конца жизни достаточно.

– Переживаешь из-за профессора?

– Это тебя удивляет?

– Скорее расстраивает. Эта ваша человеческая черта накрутить себя без повода, чтобы предаться страданиям. Вам нравится страдать?

Я так громко фыркнула, что напиток, который держала во рту, пузырями пошёл из носа. Вовремя поднеся руку, я прошипела:

– А ты у нас, значит, просветлённый?

Дориан лишь закатил глаза. Он достал из внутреннего кармана носовой платок и, придвинувшись непозволительно близко, заставил меня поднять голову. Обхватил одной рукой мой затылок, другой зажал мне нос и вытер сопли и водку с соком.

– Первое правило просветлённого человека, солнышко: всегда носи с собой носовой платок.

– А второе? – Я хрюкнула ему в ладонь, прочищая нос.

– А второе: пей, пока не перестанешь изводить себя всякими глупостями.

Когда Дориан выводил меня из Лувра, я испытывала грусть, страх и одиночество. Теперь же чувствовала себя хорошо и свободно. Я не думала о возможности отключиться и выпасть из реальности, забыла об Алексе, о котором порядочной женщине следовало бы помнить.

Я думала только о себе. Да, я чёртова эгоистка. И всегда такой была.

Не помню, как мы доехали до его дома. Помню лишь то, как свалилась на пол в коридоре, пытаюсь разуться. Мы решили не останавливаться на достигнутых результатах и разворотили бар. В расход шло всё: пиво, вино, виски.

При всех своих многочисленных достижениях, я была готова поклясться, что ещё никогда в жизни так много не пила преимущественно из-за того, что не особо любила пить. Крепкие напитки лишь на короткий миг дарили ощущение свободы, а утром непременно напоминали о себе головной болью и тошнотой.

Однако в тот вечер это было именно то, в чём я нуждалась.

VII

Открывать глаза было физически больно. Решив повременить с этим, я стянула с кого-то одеяло и укуталась в него так, что к лицу перестал поступать не только свет, но и воздух. Не имея сил на поддержание жизни в организме, отключилась ещё на несколько часов, но предварительно поклялась себе больше никогда так много не пить и добавила похмелье в список самых жестоких египетских казней.

Всё тело болело, словно вчера вечером меня пережевали, а затем выплюнули. Назойливый луч солнца скользил по лицу, заставляя жмуриться, и на последнем издыхании я предприняла попытку перекатиться на живот, прячась от яркого света.

Рвотные позывы мятежно закручивались внизу живота, требуя немедленного высвобождения. Скрипя как ржавые пружины в старом матрасе, я смогла сесть.

Несколько минут потребовались для того, чтобы понять: мелодичная трель по всей комнате – не плод моей больной фантазии, а результат распахнутых настежь окон, из которых сочится не только солнечный свет, но и доносится щебетание птиц.

Я зябко поежилась, пальцами левой руки потирая висок.
– Дориан?

Соседняя половина кровати пустовала. Тёплая смятая

простынь свидетельствовала не только о том, что он ушёл совсем недавно, но ещё и о том, что у нас... о, господи, мы переспали? Завершение вчерашнего вечера валялось на задворках сознания с огромной красной вывеской «даже не пытайся, всё равно не вспомнишь».

Что-то шевельнулось в ногах. Слишком заспанная и разбитая, чтобы обратить внимание, я потянулась к прикроватной тумбочке за телефоном и скинула белую простыню вместо одеяла на пол. Что-то мягкое и живое в ногах протяжно завывало, а потом острыми когтями цапнуло меня за пятку, которой в приступе неожиданности я приложила по голове... кота. Чёрная мочалка недовольно зашипела. Растерявшись, я уронила телефон на пол.

– А ну брысь!

Зелёные глаза смотрели с угрозой, не реагируя на слабые попытки спихнуть его подушкой. Слегка попыхтев от досады, я смирилась с тем, что в этой битве мне не выиграть, и вернулась к телефону.

Не знаю, как так вышло, но где-то между тем, когда в коридоре раздался крик, и тем, как удалось поднять мобильный, я свалилась на пол. Плашмя. Не сгруппировавшись.

– Твою мать, Дориан! – на английском закричал мужчина примерно в шаговой от меня доступности. – Какого чёрта ты здесь устроил?

От тона незнакомого голоса в голове мелькнуло до абсурдного глупое желание закатиться под кровать и оставить До-

риана самого разбираться с... кем бы причина боли в моих барабанных перепонках ни оказалась.

Я уже была одной ногой в пыльном укрытии, когда крупная тень накрыла меня, а полный злости голос зазвенел от удивления.

– А ты, мать твою, кто такая?

Наверное, мне стоило представиться. Во всяком случае это предполагал этикет, но я просто уставилась перед собой, как листок на ветру задрожав от беспричинного страха.

– Здравствуйте, – прижимая к груди простынь, пропищала я.

Я не сразу его узнала, а когда поняла, не удивилась, почему его голос осел липким страхом на коже. Хмурый мужик. Габриэль.

Мужчина сверху цокнул языком, глядя на меня, как на какую-то девочку по вызову.

– Что за шлюху ты сюда притащил? – Он закатил глаза, подтвердив догадку насчёт уровня моего социального статуса в его понимании.

Впрочем, обращался Габриэль к пустоте. Кроме нас и кота в комнате больше никого не было. Или я так думала.

Я покраснела от возмущения и не успела озвучить мнение насчёт ложного обвинения в свой адрес, как в лицо прилетел лифчик и... господи, трусы. Габриэль просто скинул на меня вещи, разбросанные по кровати, и отошёл в сторону.

Кое-как, ещё пошатываясь от похмелья, я поднялась. От-

чего-то робея, опустила глаза в пол и в не самом выгодном свете презентовала свой раздобревший на багетах голый зад, пока надевала трусы. Отсутствие лифчика, судя по всему, смущало только меня.

Я замерла с голой грудью, пытаюсь вдеть крючок от бюстгальтера в петельку. Тот, как назло, не поддавался онемевшим от волнения пальцам. По щекам разлился обычно несвойственный мне румянец. После я ещё долго корила себя за то, что в момент слабости подняла голову, встретившись с омутком тёмно-карих глаз.

В деловом костюме, в котором я видела его всегда, с заправленными в карманы брюк руками, сжав губы в одну источающую презрение полосу, Габриэль смотрел на меня сверху вниз. Безо всякого интереса или желания, лишь с недовольством и злобой.

– Живее, – скомандовал он. – Одевайся и проваливай отсюда. Дориан!

Из-за живой изгороди, отделявшей спальню от гостиной, показалась кучерявая голова.

– Доброе утро, папаша, – фыркнул парень, громко помещивая чёрный кофе в огромной кружке. Он выглядел бодрее и лучше меня и, к счастью, оказался одет. По крайней мере на нём были трусы.

– Угомони своего надзирателя, – обиженно фыркнула я, прыгая на двух ногах вокруг своей оси и втискиваясь в юбку.

Оба уставились на меня.

– Кто это, и что вы делали на моей кровати?

Оу.

Дориан почесал затылок, блуждая взглядом по разгромленной нашими общими стараниями комнате.

– Аня? – с надеждой в голосе спросил он.

– Отвали, – накидывая его куртку, ответила я.

Приятное послевкусие хорошей ночи покинуло спальню ровно в ту секунду, когда Габриэль переступил её порог. Они разминулись. Прямо как я и умение анализировать, прежде чем делать. Не думала, что в мире существуют люди, раздражающие меня сильнее Патрика.

Ошибалась.

Хотелось убраться отсюда поскорее. Отмыться и забыть всё. Желательно выпить таблетку экстренной контрацепции. С этими мыслями и гордо вскинутым подбородком я намеренно задела Габриэля плечом.

Он обернулся, чтобы проводить меня хмурой гримасой. Тень замешательства залегла в уголках прищуренных глаз. Хотелось ляпнуть, что он последний урод, но язык не повернулся: под солнечными очками, скрывающими половину лица, прятался ходячий тестостерон в рубашке.

– Ещё увидимся, солнышко! – с другого конца комнаты прокричал Дориан.

– Сильно в этом сомневаюсь, – фыркнула я, напоследок собравшись с силами и выставив средний палец перед носом Габриэля. Прежде чем тот обработал информацию и прибил

меня, я вылетела за дверь и громко ей хлопнула.

Над Парижем сгущались тучи. К счастью для меня, в кармане кожаной чёрной куртки Дориана отыскалась смятая купюра с двумя нулями на конце. Немного посомневавшись, я всё же решила, что этого даже мало за то, что он не вспомнил моё имя, а потому купюра стала частной собственностью Аники Ришар.

Умирая от жажды и голода, я остановилась на первой попавшейся летней веранде и сразу же заказала ведро чёрного кофе. Лишь осушив две полные чашки, начала немного соображать и огляделась. Стройный ряд дорогих модных бутиков через дорогу подсказывал, что я в самом сердце Парижа.

– Madame, – позвала официантка, – ваша пепельница.

Табак окончательно вернул меня к жизни. В голове активно закрутились немного поскрипывающие шестерёнки, и перед глазами возник гадкий, мерзкий, противный образ Габриэля Эттвуда.

– Нужно было ответить ему, – себе под нос бормотала я. – Нужно было...

Официантка подошла к столику, чтобы забрать пустые чашки. Я расплатилась за завтрак и потянулась за телефоном, который почему-то не обнаружила в кармане.

– Мадам, не подскажите, который сейчас час?

– Половина третьего, – ответила девушка, протирая стол. – Могу ещё чем-то вам помочь?

– Да... эм... мне нужно срочно сделать звонок, а мобильный, похоже, где-то выпал.

– Конечно. – Она достала телефон. – Отнесёте его потом на бар?

– Спасибо.

Я не отличалась хорошей памятью на имена, лица, а уж тем более, номера телефонов. Набрать маме удалось не с первой попытки. На летней террасе пошёл дождь, когда она всё же соизволила взять трубку.

– Ришар, твою мать! – закричала она ещё до того, как я успела поздороваться или предупредить её, что звоню с другого номера. Она эксплуатировала нашу фамилию каждый раз, когда злилась на меня.

– Ты моя мать, – уже полностью мокрая, забираясь под навес, ответила я.

– Вот значит как? Вспомнила?

– Мам, прости. – Двадцатипятилетний ребёнок внутри меня и в самом деле раскаивался. – Я потеряла телефон и, кажется, – снова пошарила по карманам, – ключи от квартиры тоже. Ты где сейчас?

– Как где? В больнице, у Алекса.

– Он пришёл в себя?

– Пришёл, пока ты шлялась непонятно где, вместо того,

чтобы быть с ним ря... — Её отвлекли, и мама не закончила фразу. Я прислушалась, пытаюсь понять, о чём говорит доктор Робинс. Видимо, попросил её так на меня не орать. — Короче, приезжай сюда, пока я окончательно не вышла из себя, — смягчившись, добавила мама и сбросила звонок, оборвав меня посреди просьбы подсказать адрес больницы. Где мне искать Робинса, когда в Париже их тысячи?

Пришлось перезванивать. Дождь и не планировал утихать, поэтому на деньги Дориана я вызвала такси. Не самое выгодное вложение, когда в кармане террариум для пауков, расплотившихся и заплётших всё внутри паутиной.

Однако плевать я хотела на выгодные инвестиционные портфели. Этим дождливым утром, которое нормальные люди считали обедом, я чувствовала себя так паршиво, что не смогла отказаться от жалкой прихоти, от отголоска былой роскоши и славы. Вместо рено за пятнадцать евро к кафе подкатила чёрная машина по тарифу бизнес-класса.

Я хмыкнула и, высоко задрав подбородок, с мокрым от дождя пятном на заднице прошлёпала до машины и забралась внутрь, намочив всё, до чего дотянулась.

Спустя час мы наконец-то добрались до больницы. Дождь всё никак не утихал, отчего весь персонал клиники жался в угол под козырьком. Кто-то курил, кто-то просто разговаривал и потягивал кофе из бумажных стаканчиков. Словно невзначай прибившись к группе курильщиков, я стрельнула сигарету. Да, я оттягивала встречу с Алексом до последнего,

пока чья-то рука не вцепилась в мой загравок.

– Ришар!

– Ну мам!

– Что мам?! – зашипела она. – Господи, на что ты похожа?

Я развернулась к ней, размазывая сигарету ботинком по земле. На разукрашенном всей косметикой, что нашлась в доме, лице отобразилось искреннее изумление. Полагаю, дело было в моей причёске и чужой куртке, накинутой на голое тело.

– Аника, где... господи! – Мама зажала рот руками, сдерживая ругательства. – Ты что, ночевала на улице? Подралась с бомжами?

– Никто не ночевал на улице. – Я обиженно цокнула языком, запахивая куртку и обхватывая себя руками. – Я осталась у друга. Выпили немного...

– Немного? – вскрикнула она, хватая меня за подбородок. Люди улыбались, наблюдая за тем, как взрослую двадцатипятилетнюю девушку отчитывает низкорослая, худосочная карлица. – Пойдём внутрь, пока тебя не весь Париж успел увидеть, – прошептала мама, воровато озираясь и проталкивая меня в больницу.

Доктор Робинс ждал у стойки администрации, о чём-то беседуя с медсестрой. Увидев нас, он закашлялся и нервно поправил очки на переносице. К счастью, он был куда более тактичным, чем моя мать.

– Аника, – он долго подбирал слова, пока мама копоши-

лась в сумке в поисках средства, способного спасти моё лицо, – рад тебя видеть. Александр спрашивал о тебе.

– Как он? – Усевшись на скамейку, я принялась натягивать бахилы. Мама тут же воспользовалась возможностью и стала вытирать меня влажной салфеткой, не очень прилично ругаясь себе под нос.

– Небольшое сотрясение и два шва. – Робинс почесал висок. – Но жить будет. Сейчас у него в палате коллеги по работе, но думаю, они уже уходят. Мы можем его навестить, только мне нужно пять минут, чтобы подписать страховой полис.

Я задумалась, о каких таких коллегах шла речь, сразу представив посеревшую от ужаса Модлен. Пока доктор Робинс возился с бумагами, мама успела причесать меня гребнем, повыдирав при этом половину волос. Несколько раз ткнула в глаз тушью, пытаясь придать усталому взгляду более свежий вид. К сожалению, с одеждой ситуация не поддавалась исправлению.

Я волновалась о том, что скажу Алексу и нервно грызла ноготь. Наверное, поэтому не сразу оценила масштаб катастрофы. Когда мы зашли внутрь, у кровати Робинса обнаружилась высокая фигура в чёрном. Стоило ей обернуться на звук открывающейся двери, и мой язык отнялся на добрые двадцать секунд. Чёрт меня подери...

– Мистер Робинс, – учтиво кивнул Габриэль, сперва обратившись к доктору. Его чувственные губы дрогнули в усмеш-

ке, когда он поднял глаза и посмотрел на меня. – Мисс и миссис Ришар.

Я громко сглотнула, и мама точно что-то заподозрила.

– Мистер Эттвуд, моя дочь Аника, я рассказывала вам о ней, – пихнув меня в спину прямо в лапы Габриэля, приторно-сладким голосом пропела мама.

– У вас знакомое лицо, Аника. Мы точно нигде не встречались? – проговорил он, не сводя глаз с моей груди и лифчика, который сам же швырнул мне в лицо сегодня утром.

– О, вы умеете улыбаться, мистер Эттвуд? – прошептала так, чтобы никто кроме него не смог меня услышать. Неискренняя улыбка тут же померкла. Теперь я узнавала мужчину, с которым имела несчастье познакомиться утром.

– Не принимайте на свой счёт.

– Аника! – предотвратил кровопролитие Алекс, присаживаясь на больничной койке.

Пришлось снова задеть Эттвуда плечом, чтобы пробраться к Робинсу. На этот раз вместо презрения в глазах Габриэля мелькнуло едва уловимое веселье, по всей видимости, свидетельствовавшее о запущенной стадии биполярного расстройства.

С гордо поднятым подбородком я уселась на краешек больничной койки и посмотрела на Алекса. От вида его перебинтованной головы шея сама вжалась в плечи.

– Ты как? – с самой виноватой на свете физиономией поинтересовалась я, легонько сжав протянутую в мою сторону

ладонь.

Степень неловкости перевалила за критическую отметку, когда Робинс придвинулся ко мне и прошептал:

– Эй, я надеюсь, ты не винила себя в случившемся всю эту ночь?

Не знаю, услышал Эттвуд его вопрос или такая реакция стала простым совпадением, но за спиной послышался сдавленный смешок. Сгорая от стыда, я не нашла в себе сил обернуться.

– Мне очень жаль...

Мозолистая ладонь профессора сжала мою руку в успокаивающем жесте.

– Всё в порядке, Аника. Со мной всё хорошо. Я ни о чём не жалею.

А вот я жалела. Обо всём, что случилось после того, как Дориан вывел меня из Лувра и посадил к себе в машину.

– А вы, мистер Эттвуд, к нам надолго или уже уходите? – поспешила я сменить тему, когда мама и доктор Робинс вышли в коридор, чтобы взять всем кофе.

– Я вас стесняю? – Он стоял посреди комнаты и наблюдал за нами с лицом, с каким обычно следят за зверушками в зоопарке. Чёрный костюм, идеальная осанка, руки сложены в области, на которую мне не следовало смотреть...

– Вы? – Я постаралась изобразить пренебрежение. – Нет. Усмехнувшись, Габриэль исподлобья посмотрел на меня. Похоже, хорошее расположение духа давалось ему с трудом.

Не помню, чтобы он вёл себя настолько же доброжелательно утром или в течение двух прошедших недель, когда его присутствие вызывало беспричинный страх и холод на душе.

«Что тебе надо?» – подумала я.

– Мистер Эттвуд приехал выразить свои искреннее соболезнования, – огорошил меня Алекс, смягчив тон. Мне казалось, или раньше он на дух не переносил Габриэля?

– Очень мило с вашей стороны, мистер Эттвуд.

– Мило – моё второе имя.

– Главное, что вы искренне переживали и никакое Око не замешано в вашей добродетели. – Я вернула Габриэлю ту же противную улыбочку, что играла на его губах.

Он не сразу нашёлся с ответом, подтверждая мои догадки.

– Кстати, – спустя минуту молчания опомнился Эттвуд. Запустил руку в карман накинутаго поверх костюма плаща. В его голосе снова засквозило неприкрытое раздражение, равно как и во взгляде, которым он удостоил меня лишь мельком. – Это ваше?

Я так громко икнула, что чуть сама не оглохла, стоило увидеть свой телефон и ключи в его широкой ладони.

– Это твой телефон? – удивился Алекс, по понятным причинам искренне не понимая, какая кошка между нами пробежала.

– Мисс Ришар, кажется, забыла его...

Вскочив с кровати, я вырвала свои скромные пожитки из рук Эттвуда. Его пальцы сомкнулись вокруг моего дрожа-

щего запястья. Тёмные глаза внимательно изучали реакцию, пока у меня отнимались ноги. Ещё секунда, и я бы грохнулась замертво. Он победно улыбнулся.

– Мисс Ришар забыла это вчера вечером в Лувре. Смотритель просил передать вам, когда я заезжал туда утром. Подумал, что вы точно приедете навестить мистера Робинса.

В попытке избавиться от его пальцев на обнажённой коже, я дёрнула рукой, и он отстранился. Температура воздуха резко повысилась до неприемлемо жаркой. Не желая и дальше провоцировать Эттвуда, я решила выбраться в уборную и привести себя в порядок.

Туалет на первом этаже больницы оказался пустым. И мрачным. Несколько серых кабинок в ряд и две раковины, над которыми слабо моргали лампочки явно старше меня по возрасту. Я покрутила кран с холодной водой и принялась тереть руки, выскребая грязь из-под ногтей. Я испытывала такое омерзение от самой себя, что хотелось стереть кожу. В агонии и ненависти к себе я наклонила голову и принялась полоскать рот. На вкус вода ощущалась солёной, с тухлой отдушкой. Я немного подержала её во рту, а потом сплюнула и вытерла уголки губ тыльной стороной ладони.

Когда я подняла голову и посмотрела на своё отражение, глаза расширились от ужаса. Я так и замерла с рукой у рта. Кровь. Она была везде. Размазана по подбородку и губам, по ладони, которой набирала воду в рот. Я опустила взгляд на раковину и кран, из которого буквально минуту назад

шла чистая вода. Теперь всё было измазано кровью. Красной, вязкой жижей.

Голые ноги полоснуло чем-то холодным, и я вскрикнула. Сердце упало в пятки и оставалось где-то там, пока я опускала голову, вглядываясь в нечто чёрное, хватающее меня за щиколотки.

– Что за дерьмо? – невольно слетело с губ.

Не успела я разобраться с этим, как в комнату подул сильный ветер. Дверцы кабинок жалобно закрипели. За одной из них послышался нечеловеческий скулёж. Словно в попытке выбраться оттуда и выйти на свет, костлявая рука легла на дверь туалета. Крик ужаса застрял у меня в горле.

– Виновна, – повторил нечеловеческий голос из-за дверцы, оставляя на стене глубокие борозды от ногтей.

Перед глазами рябило. Челюсть свело судорогой. Я закрыла уши руками, искреннее уверовав в то, что это может помочь, но... тени взревели только громче, пробиваясь сквозь пальцы. Они вились и плясали надо мной. Как будто издевались, хотели поглотить меня.

Убрав руки от ушей, я попробовала отмахнуться от тёмного облака перед лицом. Какие бы слова не собиралась произнести, они замерли у меня на языке, оставляя вкус пепла. Danny ahabī yabī. В голове запульсировала тьма. Я стояла, словно вкопанная, ожидая, что же вылезет передо мной на этот раз. Не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Даже пальцем.

Это было безумие. Настоящий кошмар, в котором не осталось места мыслям о том, что всё это лишь мираж. Я ни капли не сомневалась в реальности происходящего.

Рука перестала царапать, и голос, состоящий из теней, рассмеялся. Хрипло. Устрашающе. Почудилось, будто он собирается что-то сказать, но две мигающие над раковиной лампочки вдруг резко потухли, и мир погрузился во мрак.

Меня трясло, как на отбойном молотке. Я часто дышала, мотая головой из стороны в сторону в попытке выяснить, откуда странное существо бросится на меня в следующий раз, но ничего не происходило.

Попятившись, я упёрлась спиной в раковину. Опора придавала мне уверенности, и я развернулась к зеркалу, чтобы нащупать светильник. Он вспыхнул так же резко, как и то, что я увидела в отражении.

Женский силуэт позади меня улыбнулся. Отдалённо похожая на меня женщина, состоящая из трупных ошмётков, ласково провела пальцем по моей шее. Наклонилась к уху. Прежде чем она успела что-то прошептать, я словно прозрела, закричав...

– Ришар! – кто-то дёргал меня за плечи. – Ришар!

Мой параллельный мир схлопнулся. Лопнул, как воздушный шар, когда голос прорвался за барьер и оглушил меня. Я открыла глаза.

Габриэль облегчённо выдохнул.

– Твою мать, ты меня напугала.

Растерянно озираясь, словно пьяная, я нашла себя сидящей под разбитой раковиной, из которой фонтаном хлестала вода. Эттвуд опустился на корточки передо мной, часто выдыхая в попытке успокоиться.

– У тебя не все дома? Зачем ты так орала? Я думал, тебя тут режут.

Мои губы приоткрылись, а глаза расширились.

– Danny ahabí yabí, – прошептала я, глядя на треснувшую, словно от когтей, поверхность туалетной кабинки.

Эттвуд вдруг резко напрягся.

– Что ты сейчас сказала?

VIII

Я искала в интернете психиатрические больницы поблизости, пока доктор Робинс вёз нас домой. Мама так разошлась в попытке охомутать его, что не заметила, как на заднем сидении я свернулась калачиком и заплакала.

Впрочем, я не чувствовала стыда за эту слабость и слёзы. Наоборот, я испытывала благодарность по отношению к собственной трусливости, искренне веря, что без неё уже давно бы умерла.

– Господи, Чарли, я тоже ходила на тот концерт! Journey, Нью-Йорк, восемьдесят пятый! – Мама принялась напевать «Don't Stop Believin».

Я вытерла слёзы и просунула голову между передними сидениями, намереваясь предотвратить попытку её пением.

– Меня сейчас вырвет, – поделилась я.

«Робинс номер один» снисходительно улыбнулся. Он во-дил как старый дед: не отвлекался от дороги и плёл-ся позади всех со скоростью сорок километров в час. Хотелось сесть за руль и показать ему, как надо и принято в Париже, но теперь я боялась даже водить. Что будет, если шизофрения обострится прямо за рулём? Правильно, омлет из меня, мамы и папы «Робинса номер два».

– Может, тебе нужна таблетка от несварения? – цокнула языком мама.

– Меня вырвет от твоего пения и этой песни, выкованной на адской наковальне, чтобы мучить грешников.

Мама подтолкнула меня ладонью в лоб, возвращая туда, откуда я вылезла. Я потёрла место, на котором отпечаталась её рука, и проворчала:

– Мать называется.

– Ты ещё не видела, какая я мать! Увидишь, когда приедем домой, – злобно зыркнув в наказание за ночное рандеву, прошипела она.

– Агата. – Меня и вправду едва не вырвало от того, с какой приторной нежностью её имя прозвучало из уст Робинса. Неужели их настолько сблизила одна ночь в больнице у смертного одра Алекса? – Ну что ты, в самом деле. Ничего страшного в том, что Аника приехала позже. С Александром всё в порядке.

Она ответила ему робкой, почти покорной улыбкой.

– То-то же. И вообще, мне двадцать пять лет. Я не обязана предупреждать тебя о том, где и с кем нахожусь. – Я пыривалась показать ей язык, но сдержалась. Следовало придерживаться только что выдвинутой теории о том, что я уже, между прочим, лет семь как взрослая.

В конечном итоге нам удалось прийти к компромиссу. Мама перестала петь, а я – мешать им. Все съели историю о том, что Алекс просто поскользнулся и упал. Вопросы ко мне отпали сами собой.

Я бездумно провожала взглядом сумерки за окном, ко-

гда телефон в руке завибрировал. Пришлось проморгать-
ся, чтобы поверить в реальность происходящего. На экра-
не высветилось сообщение от абонента, подписанного «ми-
стер Эттвуд». На кой чёрт он добавил свой номер телефона
в мои контакты? Нет, не так. Как он взломал суперсложный
пароль, состоящий из цифр года моего рождения?!

*«Будь готова завтра к девяти утра. У меня будет время
заехать. Нужно поговорить. Эттвуд».*

От возмущения у меня отвисла нижняя челюсть.

«Да пошёл ты в задницу, Эттвуд».

Стёрла.

«А у меня на тебя времени нет».

Тоже стёрла. В результате написала краткое, но содержа-
тельное «ок» и отправила. Желание узнать, что ему от меня
понадобилось, пересилило непомерную Ришаровскую гор-
дыню. С этими мыслями я тут же полезла в интернет. На
вид ему было около тридцати, а значит, страничка в соцсе-
тях имелась!

Но я обломалась. Трижды. Ни в одной социальной сети не
нашлось никакого Габриэля Эттвуда. Даже старый добрый
гугл не помог, как будто в мире существовал только один,
ещё нигде не засветившийся Эттвуд.

Другое дело я! Первая ссылка по запросу с моим име-
нем выводила на скандальную статью трёхлетней давности.
*«Дочь табачного барона замечена в компании криминально
известного рэпера. Пиар или любовь?»*

«Я не всевидящее око, отправь свой адрес. Эттвуд».

Я так громко фыркнула, что пришлось рукавом куртки собирать слюни с подбородка.

«Я уже поняла, что ты Эттвуд. Не надо напоминать об этом в конце сообщения».

Добавила свой адрес и спрятала телефон в карман, подбывая в голове очередную порцию колкостей. К завтрашнему утру требовалось заиметь целое пособие по тому, как разговаривать с напыщенными индюками.

Тарахтелка Чарли Робинса доставила нас к самому подъезду за рекордные два часа, хотя навигатор рассчитал, что среднее время в пути от центра до Обервилье составляет не больше пятидесяти минут. Чарли умудрился остановиться на каждом светофоре и словно намеренно сворачивал именно туда, где собирались пробки.

Пока мама прощалась с Робинсом, я не стала терять времени и, на ходу стягивая обувь и юбку, рванула в ванную комнату, чтобы поскорее отмыться от последних липких и грязных событий.

Из отражения в зеркале на меня смотрела дикарка, а не молодая парижанка с когда-то очень даже симпатичным лицом. Под глазами залегли глубокие тени. По щекам и лбу размазались остатки туши, а волосы казалось проще состричь, чем пытаться вернуть им былой вид.

Несколько долгих секунд я с энтузиазмом, на одном дыхании ковыряла прилипшую к коже грязь, а потом сфокуси-

ровалась на отражении собственных глаз и резко отпрянула.

Женский силуэт позади меня улыбнулся. Отдалённо похожая на меня женщина, состоящая из трупных ошмётков, ласково провела пальцем по моей шее. Наклонилась к уху.

Я приняла очень глупое и по-детски наивное решение закрыть зеркало полотенцем. Вода в ванной теперь тоже не внушала доверия, но в этом вопросе выбора мне не предложили. Поэтому я разделась и погрузилась в мыльный кипяток.

Очевидно, Этвуд хотел поговорить именно о моём припадке и тех словах, которые я неосознанно мычала себе под нос в его присутствии. Буквально утром я фантазировала о том, как в следующую нашу встречу поставлю его на место, а в итоге не прошло и суток, как он нашёл меня на полу в туалете, а я... господи, я ведь обняла его. Вот прямо прижалась к груди и высморкалась в рубашку. Разве что в любви не призналась, таким жалким теперь вспоминался тот момент.

Впрочем, насколько удивительно, что мои планы и то, как всё по итогу выходило, последние полгода существовали в параллельных вселенных, шанс на пересечение которых был равен нулю?

Я так увлеклась мысленным построением гипотез, что наглоталась мыльной воды и закашляла. Не без труда собрала свои несчастные кости в кучу и вылезла на дешёвый рези-

новый коврик. Вытирая мокрые волосы старым полотенцем, осознала, что оно воняет бедностью и протухшими яйцами.

– Мам! Есть чистые полотенца? Это грязное!

– Красное чистое! – послышалось из-за двери.

Я посмотрела на зеркало, которое было завешано – ну конечно! – красным полотенцем. Буркнув под нос грязное ругательство, я неуверенно потянула махровую тряпку на себя. Волосы на ногах встали дыбом, когда в запотевшем отражении я увидела себя.

Меня всегда мучил один вопрос: если безумец осознаёт собственное безумие, считается ли, что он по-прежнему безумен?

Тогда, в больничном туалете, всматриваясь в своё искажённое отражение, я ощущала себя сошедшей с ума и нормальной одновременно. С одной стороны, мой мозг воспроизводил очень реалистичное изображение того, чего на самом деле не существовало, но с другой, я всё прекрасно понимала. Кошмары не отменяли законы физики, математики и биологии.

Так была ли я на самом деле безумна?

Я вспомнила странные голоса, выскочившие из письма бабушки, и задумалась, не имелось ли в роду Ришар каких-нибудь семейных проклятий? Или в семье моей мамы? А если и в той, и в другой одновременно? Двойной выигрыш!

– Что насчёт наследственной шизофрении? – спросила у своего отражения в зеркале, вглядываясь в почти чёрные,

как у отца, глаза. Он ведь застрелился не от крайней степени вменяемости? А моя тётка? Отказалась от семейного богатства и умотала жить в деревню.

Шагнув из ванной, я вскрикнула от неожиданности. Мама поджидала под дверью, уперев руки в бока.

– Чёрт, ты меня напугала!

– Может, уже расскажешь, где шлялась всю ночь?

Я прошлёпала в свою комнату. В эту грязную конуру не дотягивалась даже капля солнечного света, а отопление не работало всю зиму, отчего я постоянно ходила больной и злой.

Мама разлеглась на кровати, пристально наблюдая за тем, как я роюсь в шкафу и достаю пижаму.

– У тебя кто-то появился? – хитро ухмыльнувшись, поинтересовалась она.

Из приоткрытого окна доносились гул машин и крики соседей. Я хлопнула створками и задёрнула шторы, чтобы переодеться.

– Ты вообще хоть что-то слышала о личных границах?

Втиснувшись в пижаму и расчесав волосы, я нырнула под одеяло. Я боялась спать одна, но ещё страшнее мне становилось от мысли о том, что в маму снова вселится какой-нибудь демонический вещатель.

– Не хочешь – не рассказывай, мне просто любопытно, – повела она плечом.

А потом запустила пальцы в мои волосы, и я едва не заур-

чала от удовольствия, когда она принялась плавно ими перебирать.

– Нет у меня никого. Переспала с одним придурком...

– Секс полезен для здоровья.

– Только не для морального. Утром он не вспомнил, как меня зовут, а потом этот придурок, Эт... – я осеклась, забегав глазами по вдруг резко вытянувшемуся лицу напротив. Хотелось затолкать вылетевшие слова обратно в рот, но они уже раззадорили дракона.

– Эт? Эттвуд? Ты с ним знакома?

– Не смотри на меня так! Ты же знаешь, что я не умею тебе врать, ведьма.

– Ты переспала с этим суперсекси коллекционером? Аника Ришар! Да я тебя недооценивала!

– Да не спала я с ним! – вскричала я. – Кажется, я переспала с его другом, но вообще ничего не помню, – добавила, но шёпотом, в котором таились искренний стыд и раскаяние.

– Оу, – только и прошептали в ответ, – знаешь, в молодости со мной приключилась такая же история...

– О, нет, я не желаю об этом знать.

– Ну и ладно. Тогда, может, посмотрим что-нибудь?

– Мне рано вставать, – из-под одеяла промычала я.

– Куда это? Ты нашла работу?

– Что за глупые вопросы. – Я нервно хрюкнула. – Эттвуд хотел обсудить со мной кое-что. Он заедет утром.

Я ничего не сказала маме и Робинсу о том, что видела

в туалете. Не знаю, почему. Вразумительного объяснения не находилось, ведь им я доверяла даже больше, чем себе самой. Возможно, мне просто хотелось как можно быстрее забыть об этом событии.

– Что-то ты мне недоговариваешь, Аника. С чего бы это ему заезжать за тобой утром?

– Спрошу у него об этом завтра и обязательно составлю для тебя подробный отчёт. Думаю, он собрался поговорить о том египетском барахле, которое Алекс отказывается ему продавать.

– Кстати о египетском барахле. Ничего нового по поводу этого твоего...

– Не произноси! – предупредила я. – Не желаю слышать.

Мама ещё немного полежала со мной. Когда она покинула комнату, я закрылась на ключ и залезла под одеяло. Засыпала с надеждой на то, что одного видения за день окажется достаточно.

Однако я ошиблась.

Ночь снова принесла кошмары. Ещё до того, как мозг отключился, всё тело онемело. Я хотела прочистить горло и попить воды, но не смогла пошевелить даже пальцем. Что-то с силой придавливало меня к кровати, пока в тёмном углу комнаты, прячась за занавеской, медленно двигался человеческий силуэт.

Руки, ноги. Ростом примерно метр семьдесят. Я попыталась сомкнуть глаза, но веки, словно пришитые, не желали

закрывать, а тень всё стояла. Форточка, которую я прекрасно помнила, как закрывала, колыхалась и скрипела за его спиной.

Подумалось, а вдруг это и в самом деле человек? Маньяк?

Эту идею развеял шёпот. Он прокатился по полу, всколыхнул края одеяла и огладил покрывшиеся мурашками щиколотки. Когда в следующий раз я посмотрела в дальний угол, никого там не обнаружила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.